Борьба
Миров
№ 10

Борьба Миров

№ 10
ОКТЯБРЬ
1932 г.
ВЫХОДИТ
один раз в месяц
ИЗДАНИЕ
„КОМСОМОЛЬСКОЙ
ПРАВДЫ“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, Проспект 25 Октября, д. 3

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Стр.

С. СКАЙФ
Покушение на „Аврору“ 2

М. БРАММ
Последнее подполье Ленина 12

С. ЛЫЗЛОВ
Логовище врага 1

С. МАРВИЧ
Привидения, которые возвращаются 22

Н. БАСКАКОВ
Сделано за 15 лет 38

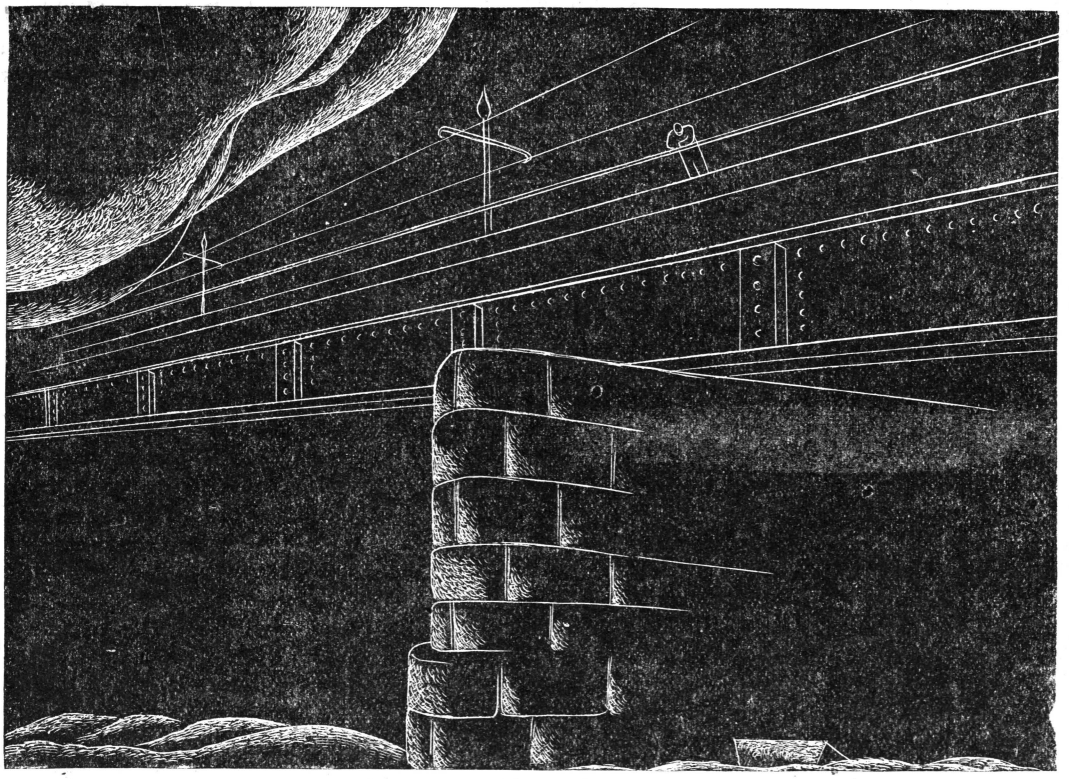
Р. БРАУН
Запрещенная песня 47

Иллюстрации в номере художников:

А. ВАСИЛЬЕВА,
И. ЕЦ (обложка),
Б. МАРКИЧЕВА и
В. СВЕШНИКОВА.

„Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию, со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства, с этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм!"

(СТАЛИН)



покушение на „аврору“

С. СКАЙФ

Рис. А. ВАСИЛЬЕВА

I

Ветер дул с моря. Когда на островах невской дельты зимой ветер дует с моря, тогда сыреют панели, набухает снег, покрываются белой пленкой фасады домов. А если ветер дует не один день, то небо застилается серым, как борта кораблей, войлоком и посыпает город мелкой и липкой пудрой.

В этот день ветер дул с моря. Ветер гнал на город сплошную стену мокрого снега.

На Николаевском мосту стоял, крепко вцепившись в перила, человек. Здесь мятель была особенно сильна, но человек не замечал этого. Только когда ветер хлестал особенно сильно, человек плотнее натягивал папаху и проводил по лицу и побелевшей бороде рукой, упрятанной в варежку. Его ноги почти по колени скрылись в навьюженном снегу. Он упорно смотрел вперед. Так могут смотреть только моряки, когда, застигнутые в море пургой, они ищут проблески маяка, чтобы определить место корабля и провести его между мелей и рифов.

Человек не спускал глаз с Невы. Он пытался рассмотреть черневший сквозь снежные потоки силуэт корабля, стоявшего во льдах Невы.

На мост вбежал солдат. Он низко пригнулся и, прячась от ветра под пе-

рилами, стал быстро приближаться к человеку в папахе. Взял его за рукав. Тот вздрогнул и судорожно сунул правую руку в карман.

— Не бойсь! Свой...

— Ну как? — дрожащим голосом спросил человек в папахе.

— Как? Ясно клево! — ответил солдат.

— Значит?.. — В голосе прозвучала нотка радости.

— Значит — гони монету! — начал развязно солдат, — все сделано, как было уговорено... Пойдем-ка отсюда, — вдруг заволновался он, — а то, чорт его знает, вздумается фейерверку раньше начаться...

Они пошли. Дойдя до середины моста, человек в папахе остановил своего спутника и, наклонившись над перилами, протянул руку в сторону невидимого за выюгой корабля.

— Завтра, — торжественно проговорил он, — завтра в двенадцать часов дня произойдет то, исполнителями чего история избрала меня, капитана первого ранга российского императорского флота Стрельницкого, и тебя, дезертира Ивана Ковшова... Дезертир — и прекраснейшая страница истории... — горько усмехнулся он.

— Ну, ты... того, — грубо оборвал солдат, — историями после займешься, а сейчас, батя, рассчитываться надо. Денежки, брат, счет любят.

Стрельницкий улыбнулся.

— Дурак ты, Ковшов.

— Дурак не дурак, а деньги заработал честно.

— Деньги... что деньги? Главное — идея. Идея, Ковшов, главное...

Но Ковшов не дал ему договорить.

— Куда гнешь? Куда гнешь, спрашиваю? — стал он наседать на Стрельницкого, — брось-ка вкручивать. Идеи на митингах раздают. А Ванька Ковш и пожрать и выпить не дурак. Был уговор, ну и гони деньги.

Капитан презрительно посмотрел на солдата, отвернул рукав бекеши и поднес близко к глазам золотые ручные часы. Мерцавшие фосфором стрелки показывали семь часов.

— Сейчас семь,—проговорил Стрельницкий, — в девять приходи ко мне и получишь свои деньги.

— Давно бы так, а то идеи, идеи!— весело сказал Ковшов и бросился в снежное море Васильевского острова.

Капитан еще раз взглянул на Неву, которую продолжал атаковывать вьюжный ветер, и зашагал с моста.

II

Комната, в которую вошел Стрельницкий, когда-то была кабинетом. Около одной из стен стоял большой письменный стол. На нем письменные принадлежности перемешались с давно немытой чайной посудой и тарелками с засохшими остатками каши и огрызками воблы. Здесь же были сложены пакеты и маленькие мешечки с крупами и мукой. И на все это глядели испуганно сбившиеся в одном углу молодые и старые морские офицеры, обрамленные черными, покрытыми толстым слоем пыли рамами. Около стола, рядом с глубоким кожаным креслом, стояла табуретка, а на ней — примус. На одном окне и двери висели тяжелые портьеры. Другое окно было занавешено двумя пожелтевшими газетными листами. В середине комнаты стояла походная кровать, а вдоль одной из стен — диван. На кровати и диване лежали подушки в посеревших наволочках, одеяла и морские офицерские шинели. Книжный шкап был открыт. Многие его полки пустовали. В камине, к которому примыкал этот шкап, валялась куча грязного белья. В верхней части камина, в животе летящего амура была пробита дыра, а в нее всунута труба небольшой железной печки, которая стояла между кроватью и диваном. Около печки, на низкой скамеечке сидел молодой человек в расстегнутом морском кителе. Он вырывал листы из толстого тома «Энциклопедии» и бросал их в огонь.

Войдя в комнату, Стрельницкий плотно прикрыл дверь и придвинул к узкой щели между дверью и полом свернутый жгутом картофельный мешок. Молодой человек вскочил и подбежал к Стрельницкому.

— Ну как?

— Все в порядке, — ответил, снимая бекешу, Стрельницкий, — поручение комитета выполнено... Еще несколько таких ударов — и большевики лопнут. Настанет их конец, — пророческим тоном произнес Стрельницкий и расслабленно опустился на диван.

— Не им, а нам конец, отец, — горько усмехнулся молодой человек, — у них сила, а что у нас? Интеллигентская неприспособленность. Они голодают. В перспективе у них голод. А с каким ожесточением защищают они свое право на голод! Если бы мы умели достигать такого самоотречения!.. Я ненавижу их, отец, за то, что они сделали с нами, — он обвел глазами комнату, — я ненавижу их и преклоняюсь перед их дьявольской настойчивостью и преданностью идее — несбыточной и мифической.

Молодой человек стал злобно вырывать листы из «Энциклопедии» и бросать их в печку. Стрельницкий усталым взглядом следил, как охватывал огонь бумагу и слизывал буквы и слова.

— Ты прав, Андрей, — устало проговорил капитан, — неспособны мы на высокие идеи. На словах мы — орлы, а на деле... Вот совсем недавно, час назад, я пытался внушить Ковшову, что мы с ним совершили большое идейное дело. Я и сам тогда верил этому. А сейчас я кажусь себе мерзким убийцей из-за угла, — голос его снизился до шопота, — наемным убийцей, Андрей! Идея! Идейность моя не пошла дальше того чтобы торговаться о плате, которую я получу за убийство из-за угла, а не в честном бою...

— Брось, отец, — остановил его Андрей, продолжая сжигать лист за листом.

— Не перебивай. Дай хоть раз в жизни сбросить мундир и побыть самим собой. — Стрельницкий сел на кровать, поднял с пола обрывок газеты и стал свертывать махорочную папиросу. — Вот мы с тобой офицеры. И вместо того, чтобы драться за то, чему присягали, мы сбежали и прятались, как дезертиры, спасая свою шкуру от озверелых матросов; а сейчас нас купили большевики, за паек сделали своими командирами, и мы, неспособные к открытой борьбе, вредим исподтишка. И не идейно вредим. Не хватает нашей идейности на это. Не идейно, а за деньги, за тридцать сребренников. Ковшов в этом отношении честнее нас. Он прямо заявляет: «гони монету». Мы же затушевываем это прямое «гони монету» высокими рассуждениями об идейности. Скоты мы, Андрей...

— Дело проще, отец, — проговорил Андрей после минутного молчания. — Большевиков мы ненавидим, но ненавистью сыт не будешь. Следовательно «гони монету», как говорит твой Ковшов. Цинично? Знаю. Зато жизненно.

Молодой человек встал, застегнул китель, потер концом одеяла ботинки и, надевая пальто, сказал:

— Я иду к Калмыковым. Отдохну там от высоких идей.

Отец молчал.

Ровно в девять прозвучал звонок. Стрельницкий вышел из комнаты и вернулся в сопровождении Ковшова.

Незаметно сбросив с одного из стульев грязные носки, он придвинул этот стул Ковшову.

— Сидеть мне, батя, некогда, — отстранил тот стул. — Тороплюсь. Даешь монету, да я и пойду.

— Как угодно, — сухо ответил Стрельницкий и открыл вделанный в стену несгораемый шкап. — Здесь двадцать пять тысяч, — протянул он вынутую из шкапа пачку денег. — Остальные двадцать пять получишь послезавтра.

Ковшов сунул деньги в карман и вынул усыпанный монограммами тяжелый портсигар. Раскрыв его, он протянул Стрельницкому:

— Кури!

Капитан взял папиросу.

— Насмешил ты меня на мосту своими разговорами, — начал, закуривая, Ковшов, — прямо как в кино вышло. Дите ты, папаша. Где смываться поскорее надо, а он разговоры разговаривает... А это что, твоя половина, что ли? — мотнул он головой на несгораемый шкап, где лежала такая же пачка, какую только что получил Ковшов.

На лицо Стрельницкого набежала еле заметная краснота. Он порывисто захлопнул дверцу сейфа.

— Не бойсь, — засмеялся Ковшов,— Ванька Ковш не грабит у своих товарищей.

Краснота на лице Стрельницкого сменилась бледностью. Он пошатнулся.

— Мне нездоровится, — проговорил он, садясь на диван.

— Кому поздоровится после такого дела! Особливо если без привычки, — согласился с ним Ковшов. — Ничего, привыкнешь. У всех спервоначала сердце мрет, а потом свыкались за милую душу.

Стрельницкий молчал. Руки его обвисли. В одной из них дымилась забытая папироса.

III

Ковшов быстро дошагал до Фондовой биржи. Ветра уже не было. По воздуху скользили мелкие снежинки.

Войдя в темный подъезд биржи и миновав длинный коридор и две лестницы, Ковшов очутился в большом, ярко освещенном зале, наполненном табачным дымом, гулом голосов и звуками духового оркестра. По залу, плотно прижавшись друг к другу и поднимая столбы пыли, носились пары. Солдаты в расстегнутых шинелях, матросы в широченных клешах и бушлатах нараспашку вальсировали, шумно разговаривая со своими партнершами, размалеванными девицами. Полы пальто почти всех женщин были отогнуты за спину и застегнуты там, открывая широкие декольтэ и высоко поднятые юбки. На ногах многих из них были надеты валенки.

Ковшов взглядом бывалого человека осмотрел зал и стал протискиваться среди жавшихся друг к другу тел в дальний угол, где сгрудились столики буфета.

За одним из столов сидели два матроса и девица. Они пили дымившуюся мутноватую жидкость и ели лепешки, сделанные из овса и подсолнечных жмыхов. Девица дула на покрасневшие пальцы и растирала их. Изо ртов собеседников при каждом слове вылетали густые клубы пара. Ковшов присел к этому столику.

— Ты что так поздно? — спросил его один из матросов.

— Дело было, — коротко ответил Ковшов.

Заиграл замолкнувший было оркестр.

— Холодно. Идем погреемся,—предложила девица одному из матросов. Они встали и сразу же были проглочены толпой, вертевшейся в танце.

Оставшийся матрос внимательно рассматривал танцующих, пока Ковшов ходил в буфет, откуда он вернулся с двумя стаканами серого чая и полной тарелкой лепешек. Матрос взглянул на Ковшова. Затем его глаза перебежали на водоворот тел, извивавшихся в «тустепе». По его решительному лицу пробежала презрительная гримаса, и он смачно сплюнул.

— Ты что это? — удивился Ковшов.

— Липа! — ответил тот.

— Какая липа? — не понимал Ковшов.

— Разве матросы это? — кивнул матрос на танцующих. — И чего только в штабе смотрят? Набирают шушеру всякую. Развалят они флот, — с горечью в голосе закончил он и снова сплюнул.

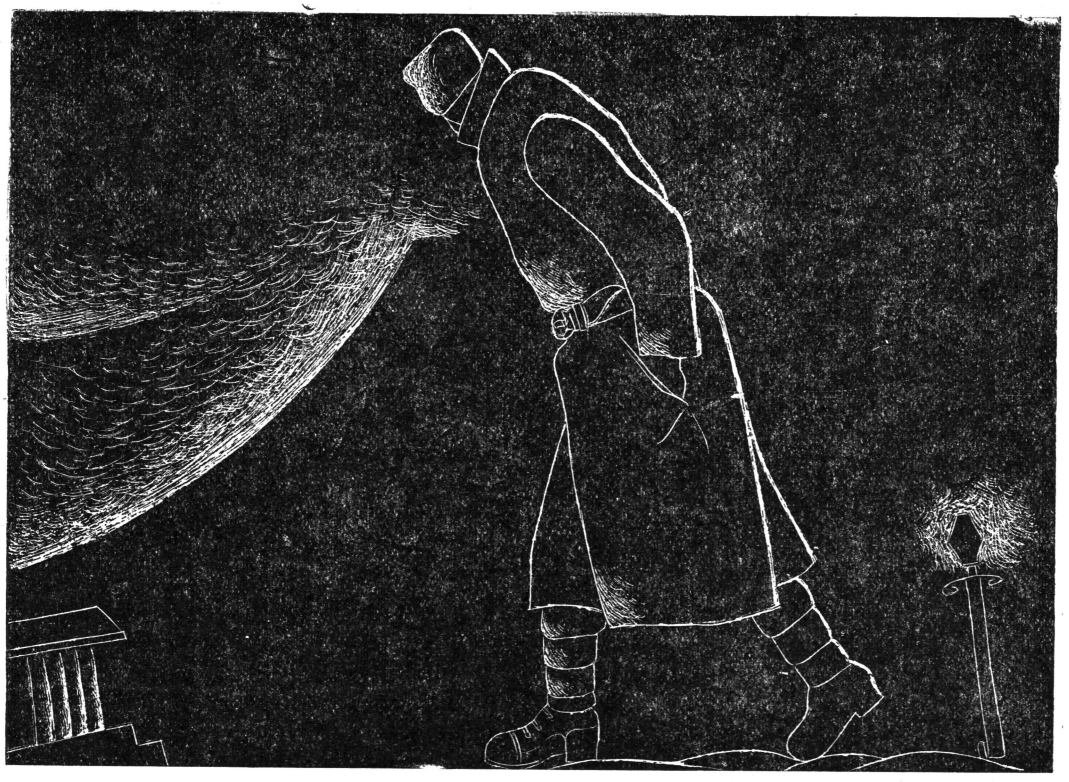
— А тебе-то что, больше всех надо?

Матрос порывисто вскочил. Он впился рукой в плечо испугавшегося Ковшова, приблизил свое лицо к его лицу, застывшему с широко открытыми глазами, и медленно, разделяя каждое слово, сказал:

— Как больше всех надо? Что ж, я по-твоему не матрос? Ты думаешь, флот для меня вроде изодранных ботинок? Так и те не всегда выбросишь. Ты думаешь — со спокойным сердцем поеду завтра на фронт? Ты думаешь— легко мне будет там, зная, что корабли остаются в руках этой шпаны?

Ковшов не понимал, чем он так разозлил всегда спокойного парня. Матрос освободил наконец его плечо, сел и одним махом выпил стакан чая.

— Пентюх ты, Ваня. Не понять тебе меня. Вот если бы ты был моряком, да поплавал с мое, да поработал бы столько на революцию, тогда бы понял. Да где тебе? Тебе только погулять, надрызгаться в стельку — и ты доволен. А я



... Ковшов быстро дошагал до Фондовой биржи.

так не могу. Я душой болею за флот. Скажи мне сегодня: «комендор Степан Аксенов, вылижи языком палубу, иначе твой корабль погибнет», — и я вылижу ее всю от самого бака до ахтерштевня.

Иван туго понимал смысл речи своего собеседника. Он больше был ошеломлен тем, что неразговорчивый обычно Аксенов вдруг так разволновался по поводу самых обычных слов.

— А ты что, в самом деле топаешь завтра на фронт? — спросил он.

— Да. Идет сводный отряд моряков. С «Авроры» отправляется нас двадцать человек. И на фронте люди нужны, и корабль оставлять жалко. Мало остается на нем народа. А корабль в большой опасности. Давно на него точат зубы офицерье да буржуи. С самой осады Зимнего надеются. Он вроде бревна у них в глазу. Не нашли пока гада, а то бы давно взорвали. У самих-то вишь храбрости нехватает, так они за взрыв большие тысячи обещают. И найдется гадина... — Говоря, Аксенов смотрел куда-то вдаль поверх головы Ковшова. При последних словах он перевел взгляд на Ивана и, смотря на него в упор, продолжал:

— Найдется, Ванька, гадюка. Ну, держись тогда буржуи! Не сдобровать. Матросы надолго зарубят у вас на носу память о красном крейсере.

Ковшов ерзал на стуле. Глаза его перескакивали из стороны в сторону, боясь встретиться с горевшими, слегка прищуренными глазами Аксенова. Матрос накрыл ладонью лежавшую на столе руку Ковшова и, еще более сузив глаза, спросил:

— А вот ты, Ванька Ковш, ты мог бы пойти на откуп к буржуям и подложить бомбу под красный крейсер?

Ковшов раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но ничего не мог выдавить из себя. Аксенов слегка повысил голос:

— Нет, не сделал бы ты этого. Ты дезертир, ты босяк, еще немного — и ты станешь бандитом. Но ты когда-то

был рабочим. И нет такой силы, Иван, которая заставила бы рабочего итти против своего класса. Нет, Иван, такой силы!

Долго говорил Аксенов. И чем дальше текла его речь, тем все острее понимал Ковшов, что всего несколько часов назад он пошел против того класса, частью которого он был. Немыми кивками головы соглашался он с доводами Аксенова о борьбе классов, о правоте рабочего дела, о всем том, к чему раньше он не прислушивался, выбитый из колеи империалистической войной и погрузившийся в мелкое воровство и беспробудное пьянство. И сейчас опять он чувствовал, что он — рабочий, что он вместе со всеми строит то светлое будущее, о котором с таким воодушевлением рассказывает Аксенов. Речь матроса уносила его то на завод, где вздувались первые горны новой жизни, то на фронты, куда шли рабочие защищать свое право на эту жизнь. И вдруг разом сбросил его Аксенов назад в заплеванную танцульку. Он кончил свою речь тем же, чем и начал:

— Нет, никто из нас не продастся буржуям... Верно я говорю?

Ковшову показалось, что по его телу побежал сильный электрический ток. Он крепко вцепился одной рукой в кромку стола, а другой надвинул на лоб папаху. И вдруг твердо сказал, смотря прямо в глаза Аксенову:

— Верно говоришь, братуха. Не такой уж я гад.

Мелкими глотками выпил он остывший чай и вдруг вскочил.

— Да куда ты? — задерживал его Аксенов, — вот нагуляется напоследок со своей кралей мой товарищ, и пойдем вместе.

— Нет, я пойду. Дело есть, — встал Ковшов и протянул руку Аксенову. Затем он повернулся и, наталкиваясь на танцующих, побежал к выходу.

Ковшов не заметил, как добежал до Николаевского моста, как очутился на другом берегу Невы и спустился на лед. Нормальнее его мысли заработали, только когда он подошел вплотную к вросшему в лед крейсеру. Отыскав проломы в окружавшем корабль проволочном заграждении, он подкрался к самому носу крейсера и стал разрывать навьюженный пургой снег. Работал он лихорадочно, прислушиваясь к шорохам и при каждом шуме на верхней палубе плотно прижимаясь к черному борту корабля.

Наконец он облегченно вздохнул. Его рука нащупала то, что он искал. Руки заработали еще быстрее, и вскоре Ковшов извлек из снега четыреугольный сверток, внешним видом напоминавший завернутую в газету буханку хлеба.

Быстро сунув сверток под полу шинели, утопая в сугробах и спотыкаясь на торчавших торосах, он побежал в сторону Васильевского острова.

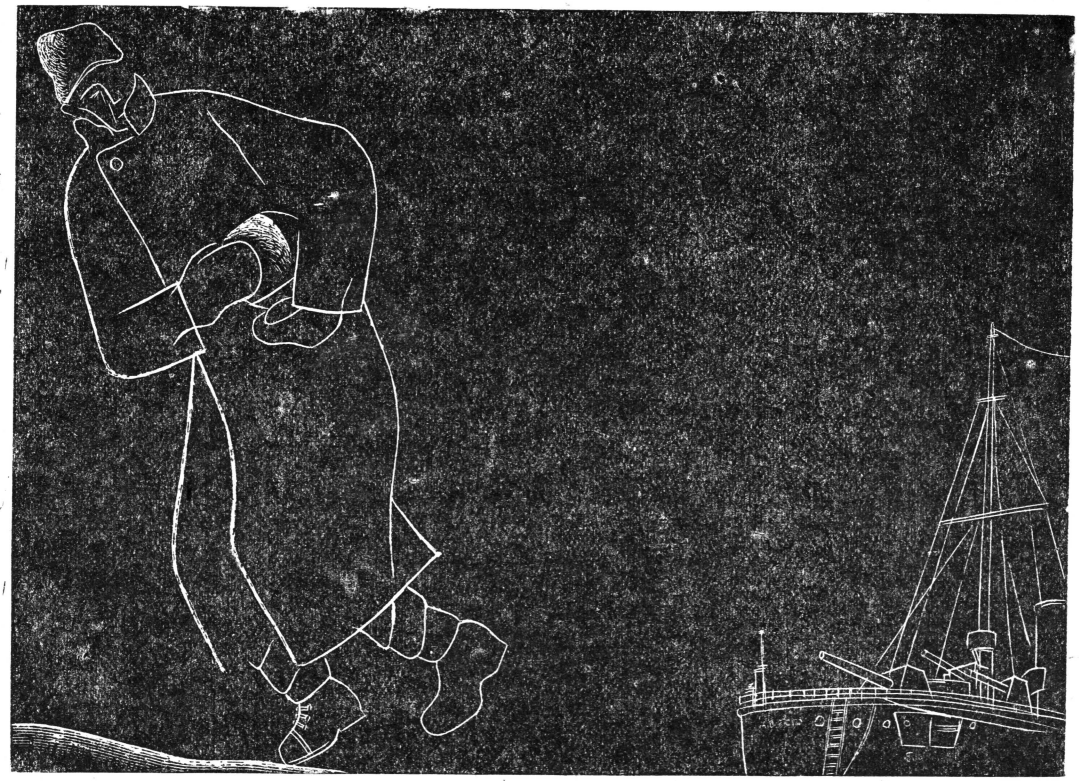
Не видя ничего, бежал он все дальше и дальше от давно скрывшегося в темноте корабля. Добежав до набережной, Ковшов в изнеможении опустился на занесенный снегом гранит лестницы. Он вынул из кармана полученную от Стрельницкого пачку кредиток и стал быстро разрывать их и ожесточенно втаптывать в снег. А в голове копошилась мысль, только одна четкая мысль. «Иван Ковшов не изменник! Ваньку Ковша не купишь!».

— Нет, не купишь! — вдруг закричал он и испуганно замолчал, почувствовав охватившую все тело усталость. Он опустился на снег и стал пристально смотреть на обснеженные, измятые обрывки кредиток. Набухшая горячечной тяжестью рука все крепче сжимала похудевшую пачку денег. Мозг щекотали мысли. Но уже другие.

«Зачем пропадать косушкам? — думал он, — надул дурака и буде, а деньги пригодятся. Это вроде награды за мое геройство. Ну да, геройство. Корабль-то ведь я спас? Фактура спас! Награда значит...».

Он сунул пачку в карман и под наплывом новых мыслей, все настойчивее и упорнее оправдывавших его поступок, стал порывисто собирать обрывки кредиток и совать их в карман прямо со снегом.

Он рылся в снегу, просеивая его сквозь пальцы, обследуя сантиметр за сантиметром площадь, на которой несколько минут назад хоронил свою подлость.



Извлек из снега четырехугольный сверток.

IV

Тяжелыми шагами человека, растерявшего свои силы, поднялся Ковшов по темной лестнице. Долго шарил рукой по обитой клеенкой двери, прежде чем нащупал щель французского замка.

— Дома! — облегченно вздохнул он, когда, миновав длинный коридор, открыл дверь своей комнаты и повернул выключатель.

Стосвечевая лампа разбросала световые блики по золоту расставленной в чинном порядке мебели стиля «какого-то Людовика или еще там кого», — как объяснял своим гостям Ковшов, хвастаясь комнатой и обстановкой, полученными от райжилотдела.

Ковшов осторожно сунул под добротную дубовую кровать сверток и сел к столу.

— Так, — проговорил он после минутного молчания, как бы отвечая на какую-то свою мысль, и стал выгребать из кармана и складывать на столе груды измятых кредиток.

Пересчитав деньги, он старательно завернул их в бумагу и спрятал под матрац постели, покрытой красным шелковым одеялом. Он хотел уже лечь в постель, как вспомнил о свертке:

— Чорт, и что будет... Сказал, в двенадцать дня... а може раньше?..

Он порывисто нагнулся и извлек из-под кровати сверток. Осторожно перенес его на стол, еще осторожнее стал развертывать бумагу. Показалось, что в коридоре кто-то ходит. Подошел к двери, запер ее. Нагнулся над пакетом, прильнул к нему ухом.

— Тикает, чорт. Часы, что ли?

Руки заработали быстрее. Соскользнул на пол последний лист обертки. Перед Ковшовым заблестела продолговатая жестянка. В глаза бросилась крышка. Осторожно открыл ее. Уже совсем ясно стало слышно тиканье часов. В жестянке были наложены пластинки

желтого цвета, а в середине их торчал конец медной трубки.

— Ну, будь что будет, — решительно взялся за трубку и извлек ее из жестянки.

— Посмотрим, — Иван уселся поудобнее в кресло и стал развинчивать трубку. На лицо набежала недовольная гримаса, — всего-то?!

Пружинки и рычажки, которыми была заполнена трубка, не задержали на себе внимания Ковшова. Он завинтил крышку трубки и вынул из жестянки одну из пластинок. Попробовал на зубы: ломается. Отошел подальше от стола, чиркнул зажигалку, поднес огонь к пластинке, далеко вытянув вперед руки. Пластинка загорелась шипящим желтым огнем. Ковшов понюхал струившийся от пластинки легкий седоватый дымок.

— Бездымный порох, — тоном знатока произнес он.

Затем уже совершенно спокойно сунул он жестянку с порохом под кровать, а медную трубку, часовой механизм которой легким постукиванием продолжал напоминать о своей работе, спустил на тонкой веревке между рам по-зимнему закрытого окна

— Взорвись теперь, взорвись, — как бы подначивая кого-то, весело засмеялся он, — коку-маку!

V

Утром Ковшов проснулся рано. В седьмом часу. Первой его мыслью было: «что делать с жестянкой?»

Этот вопрос не покидал Ивана, пока он одевался, разводил на кухне примус, пил чай, даже во время разговоров с другими обитателями квартиры.

«Куда ее деть? Утопить, что ли?»

Когда в нем окончательно окрепло решение бросить жестянку в реку, эта мысль захлестнулась другой:

«Нет, пусть знает эта буржуйская сволочь, что Ванька Ковш — не предатель».

Иван сунул в жестянку медную трубку, старательно завернул все это в бумагу и перевязал тонкой бечевкой. Надев шинель и натянув папаху со спущенными крыльями, он вышел на улицу.

— Куда ж нести? в Чеку—всыпешься сам, ни за грош пропадешь... Куда ж? — Ковшов замедлил шаг, остановился, но уже через секунду решительно зашагал к Неве.

На середине Невы, на тропинке, которая перехлестнулась от Васильевского острова к Франко-Русскому заводу, он вновь остановился, залюбовавшись вросшим в лед около завода трехтрубным крейсером, обнесенным проволочным заграждением, в проломах которого пробила себе путь тропинка.

«Стоит и не знает, что мог взлететь на воздух, — подумал Ковшов, — экая я сволочь все-таки!»

Он чуть не бегом подошел к крейсеру и окликнул вахтенного, который, укутавшись в тулуп, стоял на верхней палубе, около трапа.

— Товарищ, а товарищ, — закричал Ковшов, — можно взойти на корабль?

Вахтенный тяжело повернулся.

— А кого надо?

— Дело, братишка, есть, до всего корабля дело, — вынул Ковшов из-под полы сверток и показал его вахтенному.

— Ну, коли дело есть, сыпь сюда.

Иван поднялся по трапу и протянул сверток.

— Вишь ли, в чем дело, товарищ, — начал он, стараясь скрыть набежавшее вдруг волнение, — шел это я вчера с работы. Шел, понимаешь, мимо вашего парохода, ну и нашел вот этот гостинец. Обрадовался. Никогда, думаю, не находил ничего, а тут на тебе. Прибежал это я домой, на радостях первым делом развернул находку. Детишки тут братнины облепили. «Что это, дядя? — спрашивают, — конфеты?» Развернул, значит, я. Открыл само собой крышку, да и обмер. Вижу, — вещь нехорошая, одним словом подозрительная. Ну и решил ее к вам принести. Може обронили как?

Развязал матрос пакет, открыл крышку жестянки и чуть не выронил на палубу.

— Да ты не бойсь, — успокоил его Ковшов, — ничего там страшного нет.

Он вынул медную трубку, развернул ее и снова вложил в жестянку.

— Вишь, как младенец безвредная штука. Передай ее там начальству своему, да поскорее. Може ищут они ее. А я уж пойду. На работу тороплюсь. Как бы не опоздать. Прощевай, товарищ. А жестянку-то поскорее передай. Не забудь, смотри.

Он быстро сбежал по трапу.

VI

Матрос, которому передал Ковшов жестянку, принес ее в судовой комитет крейсера:

— Вот тут мне сейчас солдат один передал. Нашел, говорит, около крейсера.

Один из находившихся в каюте членов комитета взял жестянку и снял крышку. Взглянув на содержимое, он поспешно спросил вахтенного:

— А солдат где? Приведи его скорей сюда.

— Ушел солдат. На работу вишь торопился.

— Как же ты, братец, его отпустил? — раздраженно проговорил член комитета и обратился к своим товарищам. — Полюбуйтесь, адская машина в полном виде.

— Иди, Найчук, — сказал другой член комитета вахтенному, — да в другой раз не хлопай. Видишь, дело подозрительное, не отпускай.

Найчук вышел из каюты, виновато надвинув на нос бескозырку. Один из матросов вынул из жестянки трубку:

— Спокойнее! А то чорт ее знает, тикает, тикает, да так тикнет, что от нас только мокренько останется.

Один из них, что-то вспомнив, вынул из шкапа папку с подшитыми делами. Он быстро перелистал бумажки и молча протянул открытую папку остальным:

— Помните? Не зря тогда шебутили.

Матросы склонились над папкой. Они увидели небольшой лоскуток бумаги, на котором почерком человека, непривычного к письму, было написано:

> Товарищи!
>
> Вчера, 4 января, в зале Калашниковской биржи на общем собрании была предложена премия за уничтожение судна „Аврора" в сумме ста тысяч (100 000) рублей. 50 000 сразу, а остальные 50 000, когда взорвется судно.
>
> Это было предложено шоферу, который сообщил мне; к сожалению, он не знает из них никого. Он поздно сообщил мне, что все собрание разошлось.
>
> В виду этого просим быть на страже, а то будет печально, если найдется негодяй, который согласится свою шкуру продать и всю трудовую массу.
>
> Сочувствующий второму съезду советов рабочих и солдатских депутатов и народным комиссарам
>
> Г.

— Шмары, в три господа спасителя мать... — закипел один из матросов.

— Матюгами делу не поможешь, — спокойно возразил на это ругательство другой. — Хлопаем, братишечки, бдительность теряем. Счет только, что вахтенные наверху стоят. А толку с них, что с худого козла молока. Тут не то что взорвут, упрут всех нас вместе с крейсером.

— Стойте, — заговорил первый, возившийся с жестянкой, — нечего теперь губами попусту трепать. Пиши-ка лучше, Карпов, акт.

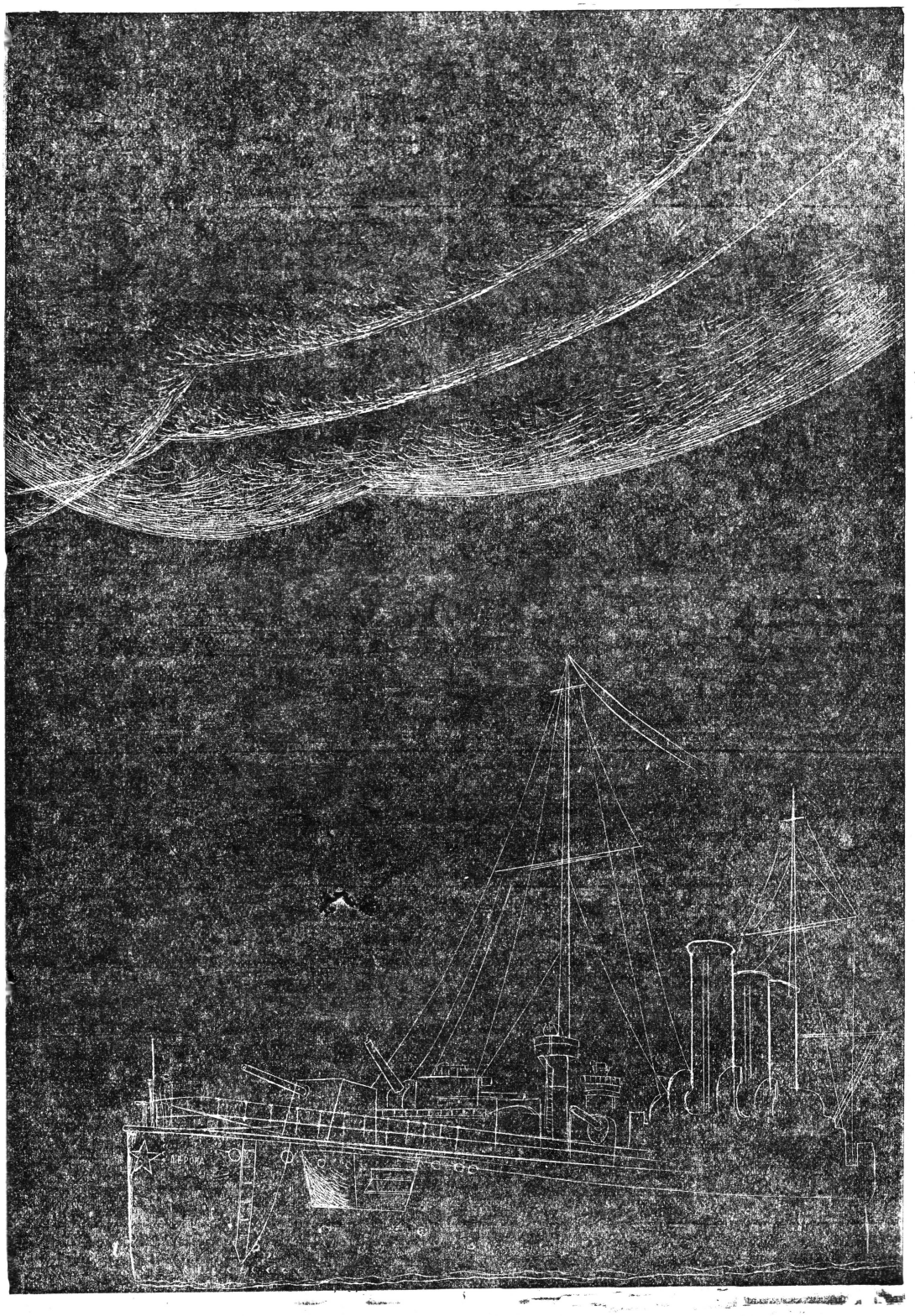
Тот, к кому он обратился, взял бумагу.

— Пиши: «Семнадцатого...» Постой, постой, надо и по новому стилю... Пиши: «Семнадцатого, а по новому стилю тридцатого марта 1918 года, в восемь часов утра, неизвестный солдат доставил на крейсер «Аврора» адскую машину...» Написал?.. Пиши дальше: «Вахтенный...»

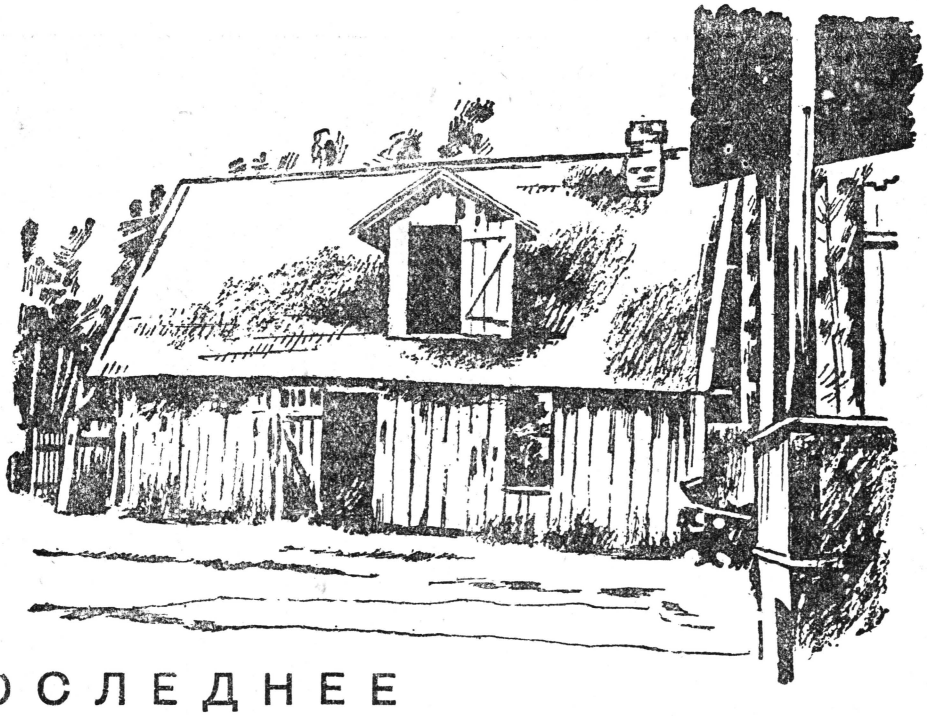
— Ай же суки, вот суки, — не вытерпел третий матрос. — Досужие, гады. Пробовали отравой взять — сорвалось...

— Пустяки — сорвалось. Сто человек чуть на тот свет не потопали, а он — сорвалось! Не мешай. Думай про себя... На чем это мы остановились? Ага, машину... Ставь точку. Так. Пиши дальше: «Вахтенный...».

Крейсер «Аврора» сурово стоял среди льдов, выделяясь прямыми трубами и мачтами.



„Крейсер „Аврора“ сурово стоял среди льдов..



Чердак сестрорецкой дачи, где скрывался В. И. Ленин.

ПОСЛЕДНЕЕ

М. БРАММ

ПОДПОЛЬЕ ЛЕНИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ А. ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО

Июльские дни явились переломным этапом революции 1917 года. Они закончили собою период так называемого „двоевластия“, когда, на ряду с официальной властью буржуазного Временного правительства, существовала другая власть — Совет рабочих и солдатских депутатов, власть неофициальная, но опиравшаяся на реальную силу вооруженных рабочих и солдат. В это время еще возможно было мирное развитие революции путем большевизации Совета и взятие этим Советом всей полноты государственной власти. Буржуазия, не имевшая опоры в массах, не могла бы оказать серьезного сопротивления.

Июльскими днями 1917 года этот период кончился. Напуганные стихийным выступлением рабочих и солдат под лозунгом передачи власти в руки Советов, мелкая буржуазия и соглашательское руководство ЦИКа и Петроградского совета заколебались вправо и фактически капитулировали перед буржуазией и военными кругами. С благословения соглашателей в Петроград были двинуты реакционные войска, якобы с целью „навести порядок“, для неповинующихся солдат на фронте была введена смертная казнь. После июльских дней власть фактически перешла в руки русских „Кавеньяков“, и Совет стал исполнять роль простого привеска при буржуазном Временном правительстве. Началась полоса бешеных гонений на рабочий класс и его партию — большевиков. Дворец Кшесинской, где помещались центральные учреждения большевиков, был занят войсками Временного правительства. Редакция газеты „Правда“ и большевистская типография „Труд“ были разгромлены. Отдельные руководи-

тели большевиков были арестованы и посажены за тюремные решетки. Но наибольшая опасность угрожала вождю большевистской партии, тов. Ленину.

Имя Ленина, как гениального вождя рабочего класса, всегда вызывало у буржуазии дикую злобу и ненависть. С момента приезда Ленина из-за границы буржуазная печать не переставала обливать его потоками ругани и клеветы.

Но этого было мало. В самый момент июльских событий „охранных" дел мастера, находящиеся на службе Временного правительства, сфабриковали и пустили в оборот новое обвинение против Ленина, а именно обвинение в том, что он является немецким шпионом. Буржуазные ищейки бросились во все стороны для того, чтобы найти Ленина, схватить его и привести на суд буржуазного „правосудия".

В чем заключается это „правосудие" — мы хорошо знаем из примера гнусной расправы с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Но найти Ленина было не так-то легко. Партия сумела защитить и укрыть от зоркого глаза полицейских ищеек своего вождя. Да и сам Ленин был блестящий конспиратор. Как Ленину удалось скрываться в своем подполье и оттуда руководить партийной работой, подготовляя партию к великой Октябрьской победе, рассказывает печатаемый ниже очерк, составленный на основании воспоминаний очевидцев и участников этих захватывающих дней жизни Ленина.

Ленин ушел из редакции за полчаса до налета юнкеров. По их поведению в редакции было совершенно ясно, что в ожидании официального ареста черносотенцы хотят попытаться отправить Ленина на тот свет неофициально. В ЦК знали, что в дни, когда решается судьба русской революции, Ленин, несмотря на огромную опасность для своей жизни, сам в подполье не уйдет. Поэтому рано утром после разгрома «Правды» к Ленину явился Свердлов и от имени ЦК предложил ему немедленно покинуть дом. Это было сделано своевременно, так как вскоре же к дому, в котором жил Ленин, подъехал грузовик, набитый юнкерами.

Искали Ленина по городу еще и другие контрразведчики, искала его знаменитая собака-ищейка «Треф», искали его тысячи добровольных сыщиков, мечтая получить двести тысяч рублей, объявленных в награду за мертвого или живого Ленина...

И когда рухнули надежды охранников, когда в донесениях из провинции и из всех соседних государств перестали даже заверять правительство обещаниями, тогда в газетах появились «достоверные рассказы очевидцев» об отъезде Ленина в Германию на подводной лодке... Другие очевидцы видели его отлетающим на аэроплане в ту же Германию...

Но вот на VI съезде партии (он происходил в июле 1917 года) покойный Свердлов перед зачтением резолюций, написанных Лениным, позволил себе неосторожную фразу о том, что Ленин хоть и не присутствует на съезде, но руководит им... И подымается снова страшная газетная шумиха и организуется даже какое-то общество, члены которого поклялись публично — «либо умереть, либо найти Ленина»!

А Ильич жил в Сестрорецке.

Первый день своего нового подполья Ленин провел у бывшего члена Государственной думы, склонявшегося к большевикам — Полетаева. Но дом этот, многими посещаемый, оказался для конспирации мало пригодным. А между тем тов. Сталин, лично, как член ЦК, ведавший вопросом безопасности Ленина, поручил Шотману и Эйно Рахья подыскать надлежащую квартиру. Уже на следующий день Ленин перекочевал к рабочему-электрику Аллилуеву, большевику, который раньше встречался с Лениным у Полетаева. Квартира Аллилуева была более безопасна, чем квартира Полетаева, но весь вообще Петроград, если учесть размах охоты, предпринятый контрразведкой, был очень опасен для Ленина.

Тт. Шотман, Эйно Рахья и Зоф подыскивали убежище для «немецкого шпиона» за городом, поближе к фин-

ляндской границе... Такое убежище было найдено в квартире рабочего Сестрорецкого завода, тов. Емельянова. Но перебраться в Сестрорецк было делом не очень простым, так как даже парики для грима приходилось доставать с хитростью. Контрразведка в те дни отдала специальное распоряжение парикмахерам не продавать париков без особых удостоверений... Тов. Шотман достал это «особое удостоверение» через финский драмкружок железнодорожников, и загримированный «шпион» уехал на дачу. Дачный чердак был и тих, и просторен, и скрыт притом от любопытных глаз городских дачников.

И все-таки эти любопытные глаза могли проникнуть и на чердак: слишком часто приезжали к Ленину партийные товарищи и слишком много радостей таилось в двухстах тысячах, обещанных контрразведкой Керенского... Надо было съезжать с чердака, надо было менять дачу на такую, где совсем не было бы человеческих глаз...

В шести верстах от Сестрорецка — четыре версты водой и две сушей — в Разливе находился сенокос Емельянова. И вот Емельянов нанял себе двух косцов: оба они на всякий случай не говорили ни слова по-русски и на случай каких-нибудь встреч превращались в финнов. Жили они в шалаше, выстроенном из сучьев, сена и сухого валежника. Это убежище было как раз таким, какое требовалось дачникам — они же косцы, они же немецкие шпионы...

Не вздумай Алексинский и Переверзев объявить Ленина немецким шпионом, — не отдыхал бы Ильич в семнадцатом году так, как отдохнул в шалаше. Он работал и здесь, но зато только днем, ибо шалаш не был электрифицирован. Он писал и здесь ведущие статьи для «Правды», но на пне, на котором он работал, не было телефона. Не было посетителей в его «кабинете» и не приходилось одновременно писать, разговаривать с посетителем и по телефону... Это был не простой дачный шалаш, — это был, по словам Емельянова, штаб революции, но зато такой штаб, в котором физически ощущалась только одна борьба: борьба с комарами... Шотман, Эйно Рахья и другие товарищи, через которых поддерживалась связь с Питером, привозили каждый день в ЦК и в «Правду» руководящие Ленинские статьи и письма.

Кончался сенокос, ночные болотные испарения становились опасны для здоровья, — надвигалась осень. И еще больше, чем осенние ветры и дожди, бушевала контрразведка. Уже и шалаш стал небезопасен, так как охотники за столь дорого оцененной головой Ленина появились в лесах с заправской охотничьей винтовкой, с ягдташом и с удостоверением, выданным не то обществом охотников, не то контрразведкой.

Надо было снова съезжать с дачи. Но куда?

Ленин в руках полицеймейстера

В Финляндию — вот единственное относительно безопасное место. Там демократическая интеллигенция не так запугана угрозами контрразведки, как в Петрограде. Там не весь актив партии арестован и не все передовики находятся под слежкой... Там Шотман легко найдет квартиру для самого опасного из всех известных миру шпионов...

Даже больше — квартира уже найдена, остается только устроить переезд. А охрана границы усилена юнкерами и даже добровольцами - гимназистами... Пропуска Емельянов достал. Но не опасно ли даже с пропусками «легально» переезжать границу? И для того чтобы убедиться в состоянии пограничной охраны Шотман и Эйно Рахья предпринимают «инспекторскую поездку»: проезд через границу с легальными пропусками. Результат обследования был неутешителен: строгость и тщательность проверки пропуска и сверки фото с лицом походили на клеймение золота в Палате мер и весов...

Обсудив, решили, что значительно безопасней предпринять переезд нелегальный. План был выработан такой: из шалаша ночью пробираются к станции Левашово, оттуда поездом до Удельной, где временно скрываются в квартире рабочего Э. Кальске. Оттуда на поезде, идущем в Финляндию, Ленин едет в качестве кочегара на паровозе.

В назначенную ночь тронулись в путь под предводительством Емельянова. Эта ночь оказалась полной приключений. К утру уже, когда все окончилось, происшествия этой ночи казались

только смешными, но зато ночью было не до смеха. Все началось с того, что Емельянов потерял дорогу. Неожиданно набрели на горящий торф и шли по зыбкой тропинке, рискуя ежесекундно провалиться в горящее болото... Времени до последнего поезда оставалось все меньше и меньше. Да и до поезда ли тут было, когда над путниками нависла угроза внезапно очутиться на финской границе и ночью попасть в лапы пограничников? Решили повернуть обратно, но в это время невдалеке увидели станционные огни... Послали разведку. Разведка вернулась с «предположениями», что это Лезашово. Пошли. Оказалось, что это не Левашово, а Дибуны — в семи верстах от границы. А время было — час ночи.

На перроне — ни одного ожидающего. Ночь. Пограничная станция... Как отнесутся к ним контрразведчики? Не повернуть ли обратно?.. Но ведь завтра к границе идет паровоз машиниста Ялава — того, с которым должен ехать Ленин. Как же быть? В этот раз Ленин основательно поругал своих гидов за отсутствие дисциплины, точности и за «предположения»...

Однако уходить было еще более рискованно, чем оставаться. Решили ожидать поезда. Для предосторожности Рахья послали на разведку. Вернулся он с очень неутешительными сообщениями. На вокзале находится десять контрразведчиков, — несомненно, что они обратят внимание на неожиданно появившуюся группу людей и потребуют документы. Тогда Шотман предложил Ленину, в сопровождении Рахья, спрятаться под откос железнодорожного полотна. И только что ушли они, как к Шотману и Емельянову подошли вооруженные, как манекены в оружейных магазинах, юнкера. Конечно Шотман с Емельяновым были незнакомы. Емельянова арестовали, а Шотмана, одетого в «интеллигентное платье», не тронули. Спросили только — местный ли он дачник, и даже услужливо сообщили, что поезд прибудет через пять минут...

Поезд подходил к перрону, а Ленин и Рахья из-за откоса не выходили. Кликнуть их Шотман не мог, и тогда он решил остаться... Но вдруг к Шотману подошел вооруженный, как и юнкера, реалист, вежливо козырнул ему и заметил, что это — последний поезд в Питер... Оставаться после этого Шотман не мог: ведь юнкерам он сказал, что едет в Питер, — не мог же он реалисту сказать, что встречал жену... Пришлось сесть в вагон. «Провал! Провал!» — стучалось в голове Шотмана... Куда поведет теперь Рахья Ленина? Ведь он не знает обратной дороги. Но допустим, что он найдет дорогу к Емельянову и приведет их обратно. Емельянов арестован, к нему завтра обязательно нагрянет контрразведка... Или все они будут ждать утра, чтобы с первым обходом пограничников попасть к ним в руки?..

А Шотман ехал — в Питер ли? На станцию Удельную?.. Он и сам не знал, к кому теперь должен был ехать, и сошел почему-то в Озерках... И пришлось ему тащиться еще шесть верст пешком, к Эмилию Кальске на станцию Удельную... Пришел он к Кальске уже под утро, усталый, молчаливый, злой... И вдруг... Шотману показалось, что это происходит с ним во сне... Он выпучил глаза, как человек, увидевший привидение: в комнате были Ленин и Эйно Рахья... Они уже успели поужинать, немного отдохнуть и теперь добродушно смеялись, заметив его удивление... Оказывается, из-за откоса они видели, как к Шотману подошел реалист, видели даже, как помог ему подняться в вагон, видели растерянность Шотмана... Но сами не растерялись и сели в поезд вместе с ним, только в другой вагон. Конспирации ради, они Шотмана во время езды не искали. Все было очень просто и без привидений...

Однако это была еще только часть предприятия, другую — более ответственную — еще оставалось выполнить.

Провожали Ленина в Финляндию Шотман и Эйно Рахья. Вечером на следующий день, когда поезд, идущий в Финляндию, подходил к Удельной, Ленин, Шотман и Эйно Рахья уже были на станции. Бритый Ильич походил, по отзывам Кальске, на магометанина, а по отзывам Ялава — на «настоящего финна». Во всяком случае даже Кальске, неоднократно видевший Ленина у себя в квартире, узнал его только по голосу...

Из предосторожности Ялава протащил состав дальше, чем обычно, так что у паровоза, когда садился Ленин, не было никого... Финн, помощник Ялава, не понимал ни слова по-русски и вполне удовлетворился объяснениями машиниста, что гость их паровоза — это журналист, собирающийся писать о железной дороге... Но «журналист» не понимал ни слова по-фински и, взойдя на паровоз, моментально скинул пиджак и начал подавать дрова в топку, — что несколько с объяснениями машиниста разошлось...

Шотман и Рахья сидели в первом вагоне состава. Поезд шел отлично и в положенное время, ночью подошел к Белоострову. Здесь предстояла задержка на двадцать минут для проверки паспортов и пропусков... Наступил самый ответственный момент, — в эти двадцать минут может быть решалось будущее русской революции...

Находчивый старик-машинист подошел к станции на всех парах и протащил паровоз до того места, где совсем не было фонарей... Едва поезд остановился, он немедленно отцепил паровоз и уехал куда-то за станцию, в темноту — «под снабжение»... К составу он вернулся перед самым третьим звонком: непрошенные гости на паровозе побывать не успели.

И через пятнадцать минут Ленин уже был в Финляндии...

А на следующий день депутат финского сейма Вийк звонит к полицеймейстеру Гельсингфорса и просит немедленно назначить ему свидание на улице... Полицеймейстер назначает просителю свидание в одиннадцать часов вечера на тротуаре у Хагнесского рынка. Ровно в одиннадцать, когда полицеймейстер подходил к рынку, он заметил, что с Вийком гуляет еще один неизвестный ему человек... Полицеймейстер подошел... Депутат сейма познакомил между собой незнакомых:

— Полицеймейстер Гельсингфорса Густав Ровио и — немецкий шпион... Владимир Ильич Ленин...

Густав Ровио, начальник гельсингфорской полиции, — тот самый, который был в связи с контрразведкой Керенского, который по ее поручению разыскивал Ленина в Финляндии, — нашел Ленина... Но — маленькая деталь: Ровио был большевик.

В Финляндии Шотману удалось найти для Ленина самую безопасную во всем мире квартиру: квартиру полицеймейстера.

Арест и побег

На библиотечной полке этого полицейского лежали Маркс, Энгельс, Ленин, — и эта библиотека больше всего обрадовала Ильича: она давала ему возможность заняться своими основными, теоретическими работами. И уже в первый день он сел за работу. Утром, уходя на службу, Ровио видел на столе тетрадь с заголовком: «Государство и революция»...

Так и текла жизнь. Ровио уходил на работу, когда Ильич еще спал. Но зато Ильич ложился, когда Ровио уже собирался вставать... Вечером Ровио ежедневно приносил домой огромную пачку питерских газет, и Ильич просматривал их от начала до конца, останавливаясь на самой, казалось бы, ничтожной статейке, делая заметки своим быстрым, характерным почерком... После газет Ильич отдыхал немного за чаем, разговаривал с Ровио, назначал через него свидания с партийными товарищами Гельсингфорса, а затем снова садился за работу. А по утрам — также ежедневно — Ровио находил на столе пачку писем: Сталину, Надежде Константиновне, Свердлову, в «Правду», какой-нибудь армейской части, заводским рабочим... Через Ровио, с помощью поездного кондуктора, Ильич получал письма и из Ленинграда.

Но самой большой радостью для Ильича в те дни был приезд тов. Шотмана. Это была живая связь с ЦК. От него можно было узнать все, чего нельзя было доверить даже своей почте. И когда приезжал тов. Шотман, беседы длились всю ночь и весь день и снова ночь... Шотман должен был рассказать о всех выступлениях и большевиков, и меньшевиков, о настроении передовиков, рабочих, обывателей... Ленин расспрашивал о мелочах, казалось бы не только неинтересных, но прямо не нужных, и все отмечал в своей тет-

ради. И однажды изложил перед ним предстоящее развитие революции и объяснил, что он давно уже взвешивает силы и пытается установить время перехода власти в руки большевиков...

А чаша весов, на которых взвешивались силы революции, все больше и больше склонялась к большевикам. В дни «Демократического совещания» Ленин уже просто шутливо, как говорят о совершенно пустом деле, посоветовал Шотману:

— А нельзя ли этак, знаете, «случайно» окружить Александринку и разогнать это «демократическое» совещание?.. Чтоб было меньше болтовни...

На заводах шло организованное обучение «Красной гвардии», силы большевиков росли каждый день — за счет рабочих и солдат... По газетам, по рассказам Шотмана, по письмам Ильич знал настроение питерцев... Сидеть в Гельсингфорсе, вдалеке от живого дела, ему становилось невмоготу. Через Шотмана он поставил перед ЦК вопрос о возвращении в Питер, но поиски Ленина еще не прекратились, и было ясно, что, попадись он контрразведке, в дни такой сгущенной политической атмосферы, его судили бы военным судом и расстреляли бы в двадцать четыре часа... Не имея возможности вернуться в Питер, Ильич решил переехать хотя бы в Выборг: все же ближе к товарищам...

В Выборге Ровио устроил Ильича у финского литератора, большевика Юхо Латукка. У Латукка была библиотека не хуже Ровио, но трудно было теперь Ильичу заниматься спокойной, вдумчивой философской работой. В Петрограде разгоралась борьба; наступило время, когда надо было ребром ставить вопрос о захвате власти. Газеты каждый день приносили цифровые данные коренного полевения масс, — Ильич нервничал.

— Ну чего они медлят? — говорил он Латукка, когда выборы в районные думы принесли победу большевикам. — Чего же еще ждут они?.. Смотрите! — И Ильич показывал Латукка составленные им сводки большевистских голосов. Их было так много, что он от радости смеялся и, возбужденный, бегал по комнате...

В эти дни Ильич нервничал, потому что казалось ему, что ЦК пропускает срок восстания, не пользуется выгодной для этого обстановкой... Когда наконец вечерние питерские газеты сообщили о перемене кабинета Керенского, радость и волнение Ильича дошли до предела.

— Ну, — вздохнул он, — наконец сформировано последнее правительство Керенского...

Дальше оставаться вне Питера Ленин уже не мог. Приехал Шотман. Ленин категорически потребовал устроить ему переезд в Питер. А Шотман как раз до этого приезда сам на заседании ЦК рассказал о нетерпении Ленина и об усилившейся еще строгости на границе... Вопрос обсуждался в ЦК очень горячо; все подтверждали необходимость присутствия Ильича в Питере, но вместе с тем единодушно решили подождать еще некоторое время до того, как удастся устроить совершенно безопасный проезд через границу... Ссылаясь на санкцию ЦК, Шотман отказал Ленину в перевозе его через границу и попросил еще некоторое время пожить в Выборге.

Когда в следующий раз Шотман собирался к Ленину в Выборг, он встретил на вокзале Эйно Рахья.

— Куда, друг?

— В Выборг.

— К тов. Иванову?

— Да...

— Гм... Видишь ли... Видишь ли, тов. Шотман, туда ехать незачем...

— То есть как это?

— Лен... Иванова там нет!

— Не может быть... Он арестован?.. Когда ты узнал об этом?.. Почему же ты молчишь?..

И тут тов. Рахья рассказал Шотману, как он получил от Ленина записку с просьбой устроить ему немедленный переезд в Питер, как он снова на паровозе тов. Ялава перевез его, и как устроила его, Ленина, сама Надежда Константиновна на Выборгском шоссе у станции Ланской, в доме служащего трамвайного парка... Рахья еще рассказал Шотману, что сам он теперь боится наказания за то, что выполнил волю Ленина без санкции ЦК. Побежал Шотман к Свердлову и рассказал о самовольном поступке и Ленина и Рахья.

Суда не было, — была напротив того благодарность Рахья от имени всех членов ЦК за то, что удалось ему безопасно привезти Ленина в Питер.

Эйно Рахья был приставлен к Ленину в качестве телохранителя, так как, несмотря на опасность, Ленин сам начал выходить на улицу и даже посещать некоторые собрания. А Рахья, по поручению Ленина, посещал собрания рабочих, приносил ему копии резолюций, а по вечерам докладывал о событиях на заводах, в городе, в отрядах Красной гвардии...

20 октября в помещении районной думы в Лесном, по предложению Ленина было созвано совещание ЦК с наиболее передовыми и активными товарищами. На нем Ленин ставил вопрос о захвате власти. На этом совещании предстояло первое, после возвращения из Финляндии, публичное выступление Ильича. Его речи ожидали с большим волнением. Перед самым заседанием специально встал вопрос — войти Ленину в парике или без парика. В этой мелочи сказалась любовь к Ленину: обсуждать эту деталь перед таким важным собранием могли люди, только глубоко любящие своего вождя.

Ленин вошел без парика... Долго, очень долго стоя приветствовали собравшиеся Ильича. Он и сам улыбался, радуясь и волнуясь одновременно.

Два часа говорил Ильич. Это была — по отзывам близко знавших его — самая страстная, самая зажигательная, самая проникновенная из всех речей, произнесенных им до того. Одиннадцать часов длилось совещание — с восьми часов вечера до семи утра. К утру приняли постановление о немедленном захвате власти.

А еще через пять дней — 25-го наступил последний вечер последнего подполья Ленина. В этот день Рахья узнал о состоявшемся решении правительства развести все мосты на Неве. Это грозило районным комитетам большевиков — организаторам восстания — быть разбитыми в одиночку войсками Керенского. Еще до развода мосты были оцеплены юнкерами. Узнав об этом, Рахья побежал к Ленину. Выслушав, Ленин заметил:

— Да, сегодня должно начаться...

Был уже поздний вечер. Поужинали. Рахья, как обычно, докладывал Ленину о городских новостях, но Ильич слушал его плохо. Он мерил комнату из угла в угол. Он ходил взад и вперед, задумчивый, то ускоряя, то замедляя шаги. Неожиданно он обратился к Рахья:

— Нужно во что бы то ни стало найти Сталина... Привезти его сюда...

— Но это невозможно, Владимир Ильич! Он очевидно в Смольном... Трамваи не идут. Это четыре часа — до Смольного и обратно...

Но Ленин не поддался уговорам Рахья. Рахья пришлось грубо подделать, подчистить какие-то свои старые пропуска в Смольный и с ними двинуться по улице... Ленин завязал себе лицо платком и низко надвинул на голову шапку... С трудом прошли двойное заграждение на Литейном мосту, с одной стороны — красногвардейцев, с другой — юнкеров; сойдя за бродяг, отделались от конных юнкеров, приставших к ним с требованием предъявить пропуска... А когда подошли к Смольному, то оказалось, что белые пропуска заменены красными. Проникнуть внутрь все-таки удалось... Там Рахья разыскал Сталина, еще кого-то и привел их к Ленину...

В Смольном в это время заседал II съезд советов, а в маленькой комнатке, рядом с актовым залом, Ленин давал указания о немедленном штурме красногвардейцев на Зимний, о немедленном начале восстания...

Меньшевики вскоре окончили свое заседание. Большевики не расходились. Ночью большевики собрали заседание Петросовета, на котором ЦК имел уже возможность доложить —

о свержении правительства Керенского.

Ленин снял свою повязку с лица и взошел на трибуну с первым приветствием Октябрьской революции...

Вскоре же в другой комнате собрались члены ЦК, на котором Ленин был избран премьер-министром. Но тут же встал вопрос: называться ли по-старому министрами? Кто-то предложил называться комиссарами.

Так окончилось подполье первого комиссара Советской республики.

ЛОГОВИЩЕ *врага*

С. ЛЫЗЛОВ

Пятнадцать лет назад на старой Гороховой дни и ночи напролет трещали пулеметы, и разбитые пулями колпачки газовых фонарей пугливо подмигивали, скудно освещая изувеченные стены домов.

Дом № 42. Под мрачной аркой грязного, похожего на огромный каменный колодец двора висит совсем новенькая, еще пахнущая краской вывеска: «Типография Акц. об-ва «Народ и труд».

За этой вывеской скрывалось осиное гнездо контрреволюции. Эта типография принадлежала Керенскому и его партии трудовиков.

До революции владельцем этой типографии был богатый еврей Абельсон, издававший журнал «Театральный вестник».

Типография была незавидная, маленькая, и все ее преимущество перед другими типографиями заключалось в том, что она имела хотя и дряхлую, но все же ротационку.

Надо прямо сказать, не бывать бы счастью для господина Абельсона, да революция помогла...

Абельсона потребовал к себе в министерство сам господин министр Керенский.

Ах, как хорошо говорил господин Керенский! Абельсон от восторга, не торгуясь, отдал типографию для народно-трудовой партии господина Керенского почти по своей цене.

Типография «Акц. об-ва «Народ и труд» заработала с полной нагрузкой.

Министр-издатель был неплохим предпринимателем. Он благосклонно разрешил печатать в своей типографии прочие «социалистические» газеты, как-то: «Дзенник польский», «Свободная церковь» и еще какую-то погромную газетку по протекции самого господина Абельсона.

Ручного набора не стало хватать, пришлось приобрести пару линотипов.

Министр-премьер писал и писал воззвания, листовки и ордера на аресты

большевиков, писал статьи о большевиках — немецких шпионах и лично отсылал в набор на Гороховую, 42.

Бежали дни. И вот однажды у ворот дома 42 остановились трое.

— «Народ и труд», — сказал один, читая вывеску под воротами. Другой улыбнулся:

— Труд без народа, — вот так надо читать, так куда вернее, — и, снизив голос, добавил:

— Попытка не пытка. Пусть хоть сам сатана сидит за этой вывеской, а нам печататься необходимо.

Тт. Кедров и Подвойский посвятили меня в курс дела и просили помочь.

Просьба их заключалась в том, чтобы устроить печатание в этой типографии большевистской литературы.

Это было в июльские дни после разгрома «Правды», это было за несколько месяцев до Октября. Я в то время служил у господина Абельсона корректором «Театрального вестника» и перешел вместе с типографией к господину Керенскому. Я взялся помочь большевистской партии.

После долгих горячих доводов мне удалось склонить заведующего типогра-

фией Соколова взять эту газету для печатания, указав ему просто на выгодность этого предприятия с коммерческой стороны.

Заведующего смущала та осторожность в отношении выпуска этой газеты, о которой я ему говорил, но я обещал ему взять на себя все хлопоты по части этой невольной для нас конспирации.

Через день вышел первый номер газеты «Рабочий и солдат». Работа закипела ключом. Контора типографии обыкновенно после выпуска «правительственных» газет, как мы называли газету Керенского, «Знамя труда» и др., превращалась в ночную редакцию. Статьи, фельетоны, заметки тут же в большинстве случаев писались, исправлялись и отдавались в набор.

Появлялись все новые и новые лица. Из постоянных посетителей ночной редакции вспоминаю тт. Подвойского, Невского, Ильина-Женевского, Крыленко, Демьяна Бедного и др.

Революционная атмосфера сгущалась. С выпуском «нелегальной» газеты становилось все труднее и труднее, а тон ее становился все резче и резче и начинал нас, работников типографии, серьезно беспокоить.

Контрразведка, долгое время нащупывавшая следы газеты, однажды ночью нагрянула в типографию.

По счастливой случайности в это время никого из работников редакции в типографии не было, так как номер газеты был уже сверстан и сдан в стереотипную для отливки.

На другой день, придя в типографию, я обнаружил печать и замок на дверях конторы. От сторожа я узнал, что минут через 20 после нашего ухода ворвались какие-то, как говорил сторож, «хорошо одетые солдаты» и несколько штатских. Газету застали уже отлитой в стереотипной. Стереотипы разбили, полосы набора рассыпали, а матрицы забрали с собой.

Но тут выручил случай. Печатавшиеся в этой же типографии «правительственные» газеты «Дзенник польский», «Свободная церковь» и другие подняли вой по поводу закрытия нужной им типографии и быстро добились отмены ареста.

После нахлобучки, которую получил заведующий Соколов, последний и слушать не хотел о том, чтобы снова допустить к печати эту газету. Но мы крепко насели на него и всяческими уговорами и посулами добились согласия вновь печатать газету.

Газета появилась опять, но уже с новым заголовком: «Солдат».

Контрразведка несколько раз совала свой нос в типографию «Народ и труд», но каждый раз безрезультатно.

Однако это затишье продолжалось недолго. Как-то ночью совсем неожиданно, когда газета была уже в машине, снова нагрянула контрразведка и наложила арест на газету и на типографию. На этот раз отправились ко мне на квартиру. Мне предложили немедленно одеваться и ехать с ними в комендатуру. Я невинно, возмущаясь их наглостью, в свою очередь потребовал показать мне документ с предписанием моего ареста. Один из молодых офицеров, галантно щелкнув шпорами, достал бумагу и протянул мне. В бумажке я прочел, что такому-то поручику предлагается произвести арест газеты «Солдат», печатавшейся в типографии акц. общества «Народ и труд», и арестовать ее ночного редактора Лызлова С. Л.

Новая, мощная фабрика кухня в Москве

Я спокойно достал из кармана свое старое удостоверение, полученное в типографии, и заявил:

— Вы, господа, очевидно введены кем-то в заблуждение. Во-первых, я не редактор, и не ночной и не денной, а во-вторых, как сами изволите читать в моем удостоверении, я являюсь только корректором типографии акц. общества «Народ и труд», где печатаются газеты самого господина Керенского.

Ошеломленные юнкера, извинившись за беспокойство, поспешили уйти.

В последний раз удалось наладить печатание газеты «Солдат», она стала выходить под заголовком «Рабочий».

Рабочие типографии почти все с большой симпатией относились к большевистской газете. Помню, эта газета раньше всех других газет утром выходила в свет, тогда как с другими что-нибудь всегда случалось, — то наборщик «нечаянно» рассыплет полоску набора, то «вдруг» лопнет матрица и т. д.

Наступали большие дни. «Рабочий» продолжал выходить, и его строки становились все пламенней. Мы ожидали нового визита контрразведки.

Поздно вечером 24 октября я шел в типографию по Невскому проспекту. Попадающиеся пикеты юнкеров перемешивались с патрулями Военно-революционного комитета. Придя в типографию, я увидел следующую картину: группа солдат и красногвардейцев вносила в типографию что-то тяжелое и установила на окне типографии, выходящем во двор и расположенном как раз напротив ворот. Это был пулемет системы «Кольт». Один из красногвардейцев хитро подмигнул мне: «Теперь, товарищ, можете работать спокойно. Газетку вашу больше не забидят».

И верно. В эту ночь в самом логовище злейшего врага пролетариата, под самым носом их вождя министра, на утро вышла большевистская газета с прежним заголовком «Рабочий и солдат». Наутро пролетариат Питера под руководством большевистской партии взял власть в свои руки.

ПРИВИДЕНИЯ, *которые* ВОЗВРАЩАЮТСЯ

С. МАРВИЧ

Рисунки В. СВЕШНИКОВА

С того самого осеннего дня в Нью-Йорке, когда биржа окончила занятия под охраной конной полиции и полицейских броневиков, буржуазные философы, экономисты, историки начали с особой активностью писать и рассуждать вслух на тему: «Куда мы идем?»

Диспуты в Париже и в Берлине, в университетах, в научных обществах, в стенах академий и даже соборах. Передовые статьи, конъюнктурные обзоры, интервью и даже стихи. На тему о кризисе писали трактаты и романы. Чем мрачнее становились сводки конъюнктурных институтов, тем больше страсти, желчи и тревоги появлялось на страницах. Дело дошло до того, что сам директор банка международных расчетов—этого гигантского насоса, который выкачивает из Германии кровь и жизненные соки — сэр Монтегю Норман написал заклинающую статью. Директор требовал, чтобы прислушались к его голосу, чтобы одумались и спохватились силы, управляющие пятью шестыми земного шара. Если же эти силы не поверят диагнозу, который ставит капитализму он, директор банка международных расчетов, то директор умывает руки.

Эта тема сама по себе не блещет абсолютной новизной. Маркс писал, что каждый кризис служит буржуазии напоминанием о временности ее господства. Каждый раз в годы кризиса мастера буржуазной культуры начинают обсуждать вопрос о том, куда ведет их система. Собираются диспуты, пишут газеты и газетки, журналы и журнальчики. Собираются мнения авторитетных людей, министры отвечают на запросы. Потом наступает передышка, и мастерам буржуазной культуры кажется, что небо опять становится безоблачным, и тема «куда мы идем» на время выходит из моды.

Так бывало. Но все предыдущие периоды беспокойства — это только детское недомогание рядом с теперешней старческой немощью капитализма. Война положила начало всеобщему кризису капитализма во всех странах, во всех звеньях капиталистической системы.

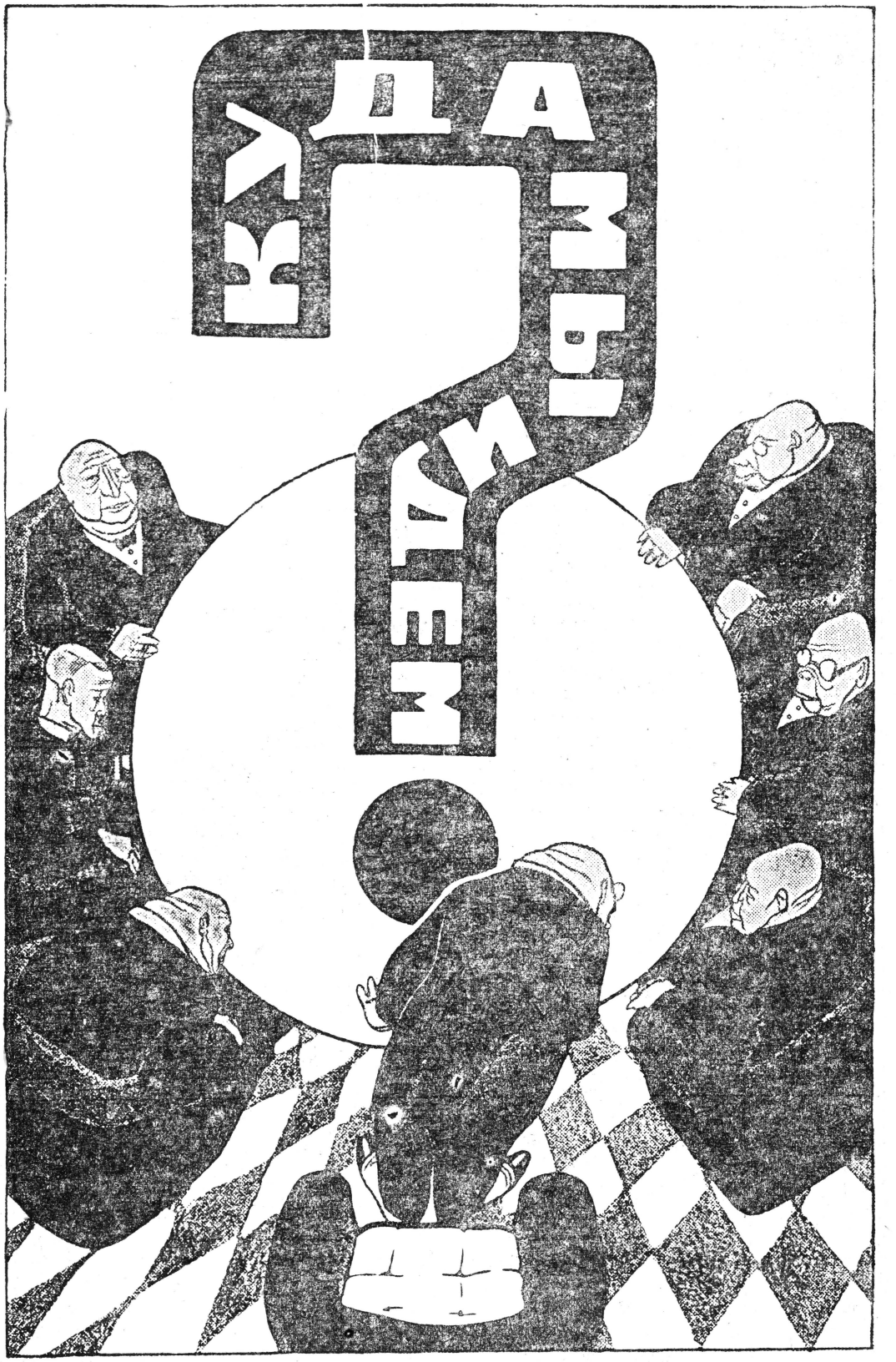
Буржуазные редакции не раз говорили о том, что события и явления повторяются, — «всяко бывало». А если бывало все, то значит преходящи и самые грозные тревоги. Значит нечего и опасаться за такой порядок вещей, при котором немногие держат в руках производительные силы природы и труд человека, а многие подчиняются закону немногих.

Карл Маркс соглашался с тем, что события повторяются, но вносил в эту повторяемость весьма существенную поправку. Один раз событие выглядит в своем подлинном виде, во второй раз — в карикатурном. И капитализм сегодня показал ярчайшие образцы этой карикатурной повторяемости.

На рубеже веков

Мировой империалистической войной был в основном закончен дележ земного шара. Монополистический капитал принялся по-новому строить свою промышленность. Техника открыла перед ним замечательные возможности. Оснащенный неустранимыми противоречиями монополистический капитал лихо поплыл по роковым своим путям.

Он получил от техники электрическую энергию, без которой он никогда



Конференция на тему „Куда мы идем?“

не сумел бы построить свои картели и тресты. Он получил двигатель внутреннего сгорания, который вытолкнул на широкую дорогу автомобиль и самолет, взвинтил цены на буровые скважины и перенес биржевую лихорадку из золотоносных районов в районы нефтяные.

Нет ни одного производства, которое не почувствовало бы на себе вмешательства новой техники. Производственные процессы были ускорены, непобедимых пространств не осталось, в технике капитализма произошел не только количественный, но и качественный сдвиг. И этот качественный сдвиг оказался последним на пути к восхождению. Электрификация, газификация, теплоцентрали, двигатель внутреннего сгорания, нефтепровод, легкие металлы, синтетическая химия были последними дарами техники, которые мог принять и освоить монополистический капитал. Уже входила в ворота истории совсем другая пора. И в эту совсем другую пору монополистический капитал оказался неспособным итти в ногу со своей техникой. Он начал прятать новые дары техники в свои тайники.

Но во-время предвидеть и заметить это было дано только воинствующему мировоззрению пролетариата. Для всех, кто не разделял этого мировоззрения, в том числе и для первой своры фальсификаторов марксизма, рубеж двух веков представлял собой весьма величественное зрелище.

Закончилось построение Британской империи. Задача соответствующего управления цветными народами открыла благодарные возможности перед многими тысячами молодых карьеристов. Сумасшедшие потоки золота устремлялись в Сити. Капиталисты были настолько довольны отчетами акционерных обществ, что могли уделить часть этих прибылей на создание и воспитание рабочей аристократии, той верхушки пролетариата, которая составила опору реформизма, ту среду, из которой вышли Томасы, Гендерсоны, Эберты, Жуо.

Был основан Второй Интернационал, но уже завелись извратители марксизма, уже выступали с манифестами такие социалисты, которые вели свое происхождение не от научного социализма, а от благих евангельских пожеланий. Это был социализм плавного характера, который мог спокойно ужиться в недрах капиталистического общества. В Англии социалисты этой породы написали на своем знамени завет римского полководца Фабия Кунктатора, который прославился тем, что никуда никогда не спешил. Социалисты-фабианцы также не думали никуда спешить, а тем более к социализму. Пестрые разновидности такого медленно поспешающего социализма были известны обоим континентам.

Энгельс с беспощадной точностью определил историческое назначение такого медлительного социализма. Пламенными приверженцами этого социализма оказались те, кто смертельно боялся настоящего социализма. Они спешили овладеть этим течением, чтобы оно не повредило их наследственным интересам. Так знать отдавала часть своих сыновей в кардиналы для того, чтобы управлять народом не только мечом, но и с помощью креста.

Для социалистов евангельско-либерального толка оказались закрытыми двери Второго Интернационала, но уже внутри Второго Интернационала созрело оппортунистическое крыло. При жизни Энгельса оппортунисты молчали, но его смерть развязала им руки, и они не теряя времени пошли в наступление против революционного марксизма. Они совершали большие и малые подлоги в наследии Маркса и Энгельса, они захватывали в свои руки партийные журналы и газеты, партийный аппарат, профсоюзы. Они выставили широкую программу пересмотра марксизма — программу отказа от революционного содержания. Они уже открыто говорили о том, что надо сдать в архив и перспективу вооруженных выступлений пролетариата, и уличных баррикад, и всеобщей забастовки. Они уже чувствовали себя в стенах парламента как дома. Они уже всему предпочитали пути парламентской политики, они совершенно свободно дышали в рамках тех демократических вольностей, которые сколотил закон буржуазии. Их отделяло еще некоторое расстояние от кровавого предательства 1914 года, но все предпосылки для этого предательства уже были налицо. Они уже выступали открытыми сторонниками коло-

ниального строительства и уже открыто оправдывались соображениями патриотизма.

Таковы были первые шаги той реформистской гвардии, которой потом, в тяжелые минуты своей власти, буржуазия поручила министерские портфели, полицию, армии. Эта гвардия была проверена уже тогда, на рубеже двух веков. Уже тогда она была куплена со всеми своими речами, со всеми своими статейками и безграничной способностью к фальсификации за ту часть прибыли, которую капитализм согласился ей уделить.

Империализм имел своих людей во всех звеньях политической и общественной системы. Оказались у него свои люди и в стенах Второго Интернационала. С этой стороны его тыл накануне войны 1914 года оказался защищенным.

Империализм развивал уже идеологическую работу, чтобы кормить духовной пищей со своего стола те миллионы людей, которые были оглушены его могуществом. Он вооружался день за днем и ставил первые конференции по разоружению. Гаага 1899 года была прототипом Женевы послевоенных годов.

Сказочно - могучий, дальновидный, опоясавший весь мир своей несокрушимой конструкцией — таков со стороны казался непосвященному человеку империализм. Но тот, кто был вооружен революционным мировоззрением пролетариата, тот видел в этой железной конструкции империализма работу взаимно истребляющих сил, работу противоречий, которые втолкнули земной шар в четырехлетнюю войну.

Воскрешенные приемы предков

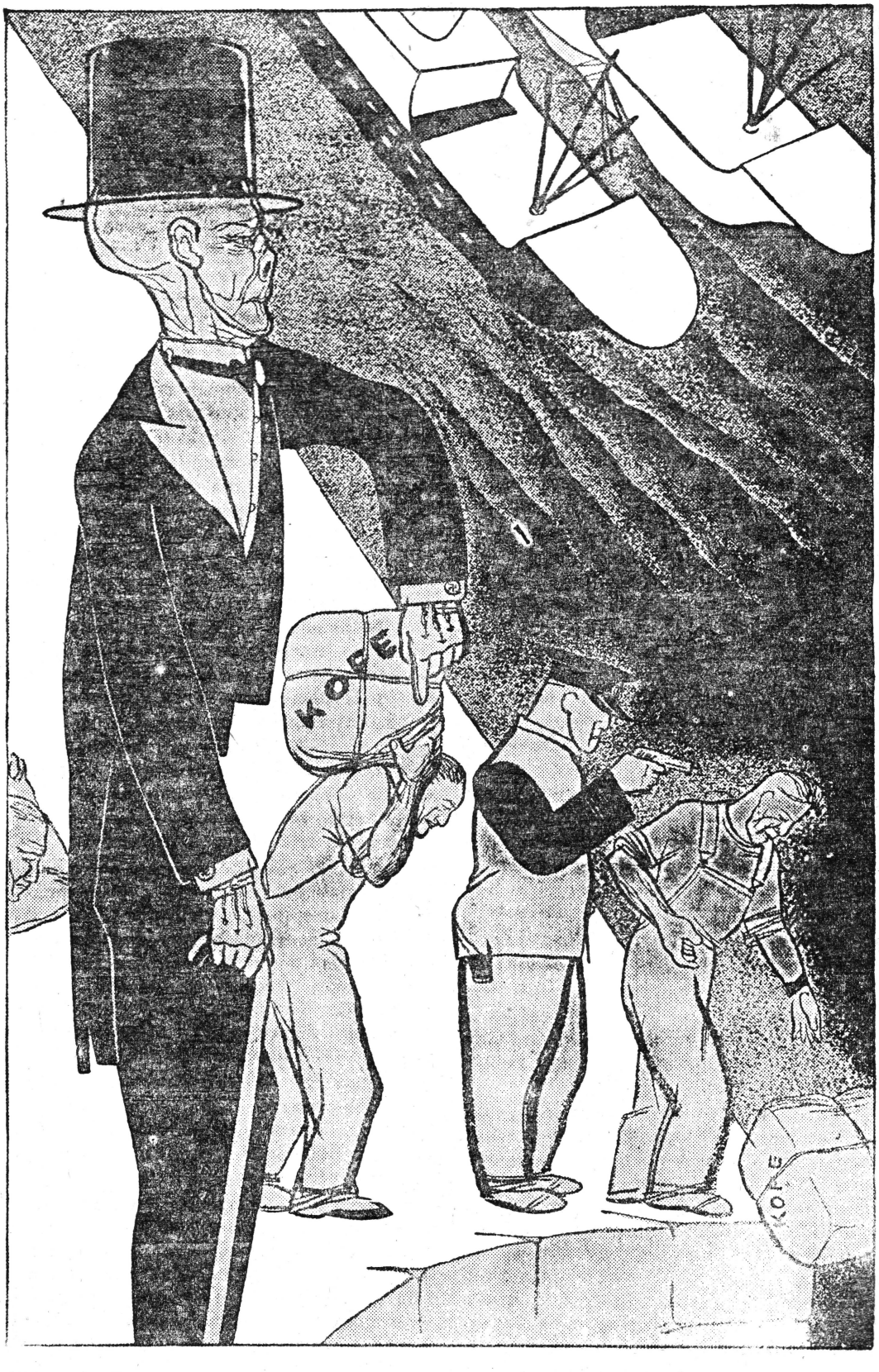
Октябрь 1917 года возвестил о том, что в мировой истории произошел качественный сдвиг. Этот сдвиг был сжато формулирован в словах Ленина, поднявшегося на трибуну съезда советов, в том обращении, которое передала всем странам первая советская радиостанция. Держатели акций старого мира позволили себе иначе понять и эту речь и это обращение.

Быть может самой комичной, самой нелепой страницей этого «непонимания» была попытка Антанты «приручить» Смольный в первые дни Октябрьской революции. Военный агент французского правительства граф де Люберсак, для которого даже своя французская республика была слишком левой системой, приносил Ленину план совместного продолжения войны против Германии. Ходили также военные агенты Англии, Америки, Италии. Граф де Люберсак скоро понял, что кровавое сотрудничество империализма со Смольным никак невозможно, но остальные агенты не так легко расстались с этим планом. Они, — эти агенты и те, кто стояли за ними, неплохо разбирались в вопросах текущей политики, но оказались невинными младенцами перед новой исторической перспективой. Только потому и могли рождаться такие планы.

Дело не в том, верили ли они в долговечность советской системы или ждали скорого крушения. На ряду с теми, кто давал Смольному две недели жизни, нашелся и такой прозорливый французский генерал, который предсказывал, что «хаос в России продлится двадцать лет». Дело не в сроке, не в двух неделях и не в двух десятках лет, а в том, что никто из них не признавал за Октябрьской революцией нового исторического качества. Для них в России начался хаос, стихийная вспышка, которая может быть скоро погаснет, может быть будет долго гореть, но нет в этом событии никакой исторической закономерности, нет у этого события других перспектив, кроме бесплодного, опустошающего горения. И даже тогда, когда были сброшены в море армии интервентов, когда порвалась цепь кордона четырнадцати государств, политики империализма еще не видели в советской действительности способности к созиданию, способности построить новую реальность, резко отличавшуюся от их собственной реальности.

Должны были пройти десять-двенадцать лет, должна была начаться первая пятилетка, — и только тогда воспитательная работа истории произвела некоторые изменения в их сознании. Должен был разразиться кризис, должно было стремительно покатиться вниз капиталистическое хозяйство, для того чтобы они несколько иначе взглянули на одну шестую часть мира.

(XVI век) ...Они сгрузили пряности на берегу и подожгли...



(XX век) ...Топили в океане миллионы мешков бразильского кофе...

Эта воспитательная работа происходит в те времена, когда цветет карикатурная повторяемость исторических событий.

Два года тому назад хорошо нам известный американский экономист Стюарт Чейз, который умеет занятно, но по-своему критиковать хозяйство империализма, писал о том, что известие, будто в воды Манхеттена выливают молоко, топят бананы, муку, не вполне надежно, хотя и очень любопытно.

За два года Стюарт Чейз не раз мог убедиться в том, что такие известия не только любопытны, но и реальны. Топили пшеницу, которую невозможно было продать. Топили в океане миллионы мешков бразильского кофе и топили не как-нибудь, не по своей дикой воле, а на основании особого правительственного декрета. Лили в канализацию сгущенное молоко. Валили в воды Миссисипи баржи арбузов.

Но не будем винить Стюарта Чейза за его тогдашнее сомнение. Глядя на элеваторы, на механизированные плантации, на чикагские бойни, где машина на девять десятых заменила человека, трудно поверить, чтобы дельцы, которые пользуются телеграфом, летают по воздуху, говорят на нескольких языках, могли таким примитивным путем ликвидировать неподвижные горы товаров.

Человек, воспитанный на том, что монополистический капитал создал самую крепкую, самую устойчивую форму хозяйства, разводит руками и лепечет:

— Позвольте... Да ведь это... того... шестнадцатый век! Как же это, а?

Действительно факты, которым не очень хотел верить Стюарт Чейз, весьма похожи на события, происходившие в шестнадцатом веке, на заре колониальной торговли.

Верно, в хрониках шестнадцатого века мы читаем, что голландские купцы, вернувшиеся домой из колоний, нашли дома не те цены, которые должны были их радовать. Тогда они собрались на совет и решили не перевозить в страну пряности. Они сгрузили их кучами на берегу и подожгли. Тогда же на остров Амбоин пришло известие о том, что в Европе сильно упали цены на гвоздику. Собрался купеческий совет, который решил уничтожить весь наличный запас гвоздики, чтобы цены не упали еще ниже.

Весной 1932 г. бразильское правительство, под страхом штрафа и тюрьмы, запретило на неопределенный срок посадку новых кофейных кустов. Губернатор Пенсильвании послал полицию закрывать нефтяные скважины.

— Позвольте, но ведь и это бывало.

Да, бывало и это. Довольно давно. В том же шестнадцатом веке. Эти самые голландские купцы, для того чтобы удержать старые цены на гвоздику, решили — быть на острове Амбоине полумиллиону гвоздичных деревьев, ни на одно больше. И туземца, который сажал лишнее дерево, драли плетьми.

— Постойте, постойте! Но ведь тогдашний купец ходил с мушкетом, а теперешний — с пулеметом. Тогдашний купец носил чернильницу за поясом, а теперешний возит с собой секретаря-стенографа и пишущую машинку и может послать телеграмму. Наконец ведь это были первые, весьма непосредственные представители торгового капитала, а теперь у нас — картели, банки, от которых ведут пути во все концы мира. Странно как-то получается...

С внешней стороны это странно, конечно, но в этой странности имеется весьма зловещее содержание. Эта странность говорит о банкротстве и о вырождении.

Названия улицам даются неспроста. За каждым названием — свой определенный исторический смысл. Смысл забывается, название остается. Время часто перерастает этот смысл, и тогда название сохраняется механически. Очень небольшая улица в Нью-Йорке носит название Уолл-стрит. В переводе это звучит — «Улица стены».

Какая-такая стена? Где она?.. Есть на Уолл-стрите банки, прекратившие платежи, банки, в которых остался один сторож. Есть банк Моргана, у которого в долгу весь мир. Но стены не видно.

Однако она была, эта самая стена. В семнадцатом веке была. Грабежи в Нью-Йорке тогда бывали каждый день и среди бела дня. Грабила одна фактория другую, грабили туземцев. Одна из факторий построила стену, чтобы сносить за нее награбленную добычу и отсиживаться за ней в безопасности.

Название сохранилось, хотя приличнее было бы забыть его навсегда. На этом веселом месте выросла улица банков, самая могучая улица на поверхности пяти шестых мира. Строили эту стену прямые предки теперешних владельцев улицы. Предки грабили очень грубо — с дубиной, с мушкетом, с кастетом в руках. Потомки грабят деликатнее, но не менее ощутительно. Они грабят, не вставая из-за стола, и грабят не непосредственных соседей, а самые далекие страны.

Предки ворвались в Америку откровенной разбойной сворой. Нигде им не было такого простора, как в Новом свете. Потомки значительно окультурили грабеж. И вдруг старые приемы снова дают себя знать. И как!

В Нью-Йорке и Чикаго грабят среди бела дня. Грабят самыми примитивными приемами, на самом виду у закона. Врываются в банки и увозят содержимое кладовых. Похищают ребенка и прячут его в неведомых местах. Встарину хоть выжидали, когда наступит ночь, а теперь не стесняются полным освещением. Встарину в Новом свете законов не было, а теперь законы имеются, но к ним лучше не обращаться,— будет хуже. Встарину шайка — это два-три десятка отчаянных голов. А теперь Аль-Капоне создал грабительский трест.

Когда украли ребенка Линдберга, журналисты отправились к нему за интервью, и беседа происходила примерно в таком стиле:

— Простите за беспокойство, но, мы надеемся, ваш трест не принимал участия в похищении маленького Линдберга?

— Странный вопрос! Вы сами знаете, что мой трест похищением детей не занимается. Деятельность моего треста— это банки, притоны, контрабанда алкоголя.

— Да, мы конечно знаем. Но разрешите узнать: кто, по вашему мнению, украл маленького Линдберга?

— На этот вопрос я пока ответить к сожалению не могу. Мой трест производит розыски. Я уважаю Линдберга как патриот, как американец, и окажу ему всяческое содействие.

— Позвольте, но как же в самом деле возможны такие повторения семнадцатого века! Ведь у нас и суд, и полицейские броневики, и всякая другая защита. Не ставить же опять стены поперек улицы?

Городить стену действительно неудобно, — мешает движению. Остаться без стены — также не вполне спокойно. Будни семнадцатого века повторяются, но приспособиться к ним стало заметно труднее. Закон и все его орудия не могут оказать существенной поддержки. Трудно установить, где кончается полиция и где начинается могучий грабительский трест.

И, отчаявшись провести эту границу, охраняемый законом гражданин предпочитает платить дань могучему тресту. Зато он уверен, что этот трест охранит его от другого треста убийц и взломщиков.

Анафема машине

Мировой промышленный кризис созрел еще до войны. Капиталисты ринулись в войну, чтобы отодвинуться от него. Но так уж издавна повелось, — капитализм лечится такими сильными средствами, которые только обостряют его болезнь. Война углубила кризис, она опустила индексы конъюнктурных институтов до показателей невиданного бедствия.

Если рассмотреть суждения буржуазных ученых и мыслителей, то в подавляющем большинстве случаев получится один и тот же очень неожиданный ответ. Буржуазные мыслители взваливают вину за неслыханное бедствие на ту силу, которая принесла капитализму бурный расцвет.

Они клянут электричество и успехи химии, трактор и нефтепровод, новые легкие металлы, рационализацию производства, двигатель внутреннего сгорания и увеличивающуюся скорость транспорта. Они клянут машину!

Чем виновата машина? Она дает слишком много продукции. Слишком много продукции? Но ведь у сотен миллионов здоровых людей нет не только лишнего, но и самого необходимого, без чего невозможно жить. Откуда же излишки?

Буржуазные мыслители не могут не подозревать, что есть выход из зако-

дованного круга, но их должность запрещает им видеть этот выход. И они остервенело клянут машину.

Здесь начинается очередное карикатурное повторение явлений. Та буржуазия, которая полтора-два века тому назад начинала свое бурное движение на подъем, показывала замечательные образцы творчества и техники: она рождала машины и всей силой своей власти боролась за них.

Когда Папин построил первый пароход, у него оказались непримиримые враги. Ронские лодочники увидели в этом изобретении огромную для себя опасность. Паровая лодка Папина могла лишить их работы, и они разнесли ее вдребезги. Ронские лодочники постояли за себя. Но помогли им не топоры и колья, которыми они крушили замечательную машину. Помогла им слабая техника производства того времени, которая все равно не сумела бы дать ход машине Папина.

Массы ждали избавления от машины, — в этом была глубокая социальная трагедия незрелого рабочего класса. Когда выходец из народа, гениальный изобретатель Фарадей еще только учился читать, в кварталах, где жили его предки, ходила легенда об избавителе от машин. Из уст в уста передавали имя никому прежде неизвестного Неда Луддема, который освободит народ от машин. Это он — темный, невежественный человек — стал долгожданным «королем Луддом», о котором слагали песни:

Как за морем кровью свободу свою
Ребята купили дешевой ценой,
Так будем и мы: или сгинем в бою,
Иль к вольному все перейдем мы житью,
А всех королей, кроме Лудда, — долой!
Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
Мечи на челнок променяем мы вновь,
Мы саван набросим на мертвый наш страх,
На деспота труп, распростертый во прах,
И саван окрасит сраженного кровь.
Пусть кровь та, как сердце злодея, черна,
Затем, что из грязных текла она жил, —
Она, как роса, нам нужна:
Вновь древо свободы вспоит нам она,
Которое Лудд насадил!

Это — не стихи луддитов, не песня, сложенная самими бунтовщиками. Эту «Песнь луддитов» сложил Байрон. Но он уловил те мучительные думы, которыми жили ткачи-машиноборцы. Эти ткачи смело шли на виселицу во славу «короля Лудда». Они готовы были променять челнок на меч, чтобы, одолев машину, изгнав машину, снова вернуться к старому ручному станку. Бунты ткачей против машины едва не слились в единое широкое восстание. Буржуазия стянула все силы, она пустила в ход виселицу и каторгу, и ткачам не удалось набросить саван на машину. Можно было уничтожить машину Аркрайта, можно было бросить ее в реку, но нельзя было задушить изобретение.

Прошло больше ста лет — и диалектика истории повернулась к капитализму другой своей стороной. На пространстве одной шестой мира пролетариат победил машину, но не отказался от нее. Он совершенствует машину. Он выдвигает отряды своих изобретателей, которые заставляют машину работать еще продуктивнее и лучше. Но он установил другие отношения между человеком и машиной. Он подчинил машину воле работающего. Он заставил машину служить будущему пролетариата.

И теперь от машины отказываются те, кто открыл ей дорогу в мир! Машина переросла возможности капитализма, она углубила, обострила до крайности его природные противоречия. Машиноборцами стали те, у кого в руках собран максимум технических средств.

Их страстность в борьбе с машиной доходит до неприличия. Кто они, пишущие эти статьи и книги против машин? Церковные кликуши, темные фанатики, пещерные старцы? О нет, это люди с университетским образованием, люди с учеными степенями, люди, владеющие кафедрами в этих университетах, люди, обучающие свою молодежь!

И при их ученом содействии рождается в Америке план «кирки и мотыги», план, согласно которому сотни тысяч безработных должны сесть на землю, но без машин, с простейшими, почти первобытными орудиями в руках. Так будет спокойнее! Машина исчезнет с полей. Человек будет работать медленнее, хлебных излишков станет меньше, безработный будет устроен.

Для нас давно не секрет, что эти мыслители упорно отворачиваются от самого простого, единственно научного, единственно верного решения вопроса. Они виртуозно изыскивают иные объ-

Кирка и мотыга—вот все, что буржуазия предлагает оставить из орудий производства.

яснения. В этом — их классовое назначение. За это им дают кафедры и платят деньги.

Старый и знаменитый университетский певец капитализма, человек, влюбленный в капитализм, хотя и признающий, что началось увядание возлюбленной системы, профессор Вернер Зомбарт пустил для общего пользования свою мрачную формулу о неравных возможностях развития хозяйства и машины. У хозяйства — ограниченные возможности. Оно развивается в неволе. Машина же развивается в условиях полной свободы. Ничто ей не мешает. Она идет куда хочет. Перед ней нет преград. Она плодится стихийно. И потому значит так трудно приходится с ней человеку.

Эта формула стала популярной. Этакая заманчивая в ней простота! Если машина развивается стихийно, тогда понятно, почему не совладать с ней человеку. Тогда можно писать страстные книги против машин и звать человечество обратно, к самой примитивной минимальной технике.

Весь мир знает имя Рудольфа Дизеля, изобретателя замечательного двигателя, который заслуженно назван его именем. Рудольф Дизель внес техническую революцию в кочегарку. Он предложил заменить громоздкую паровую машину остроумным двигателем внутреннего сгорания, который занимает гораздо меньше места, развивает гораздо большую энергию, требует гораздо меньше людей и ухода и открывает широкие рынки перед нефтяными скважинами.

Но только недавно мир узнал имя сына Рудольфа Дизеля — Эугена Дизеля. Эуген Дизель — не изобретатель. Он — мыслитель. Он пишет о судьбах культуры и о влиянии техники на культуру.

Эуген Дизель написал на эту тему целую книгу. В этой книге он по-новому определил теперешнее состояние земного шара. Трудно следовать за мыслями Эугена Дизеля, — настолько они сногсшибательны. Он утверждает, что человечество вступило в полосу второй первобытной эры, что в эту новую первобытность человека завела машина. Сразу это не понять. Техника как будто бы вывела человека из первобытного состояния. Как же это она вернула человека к пещерным временам?

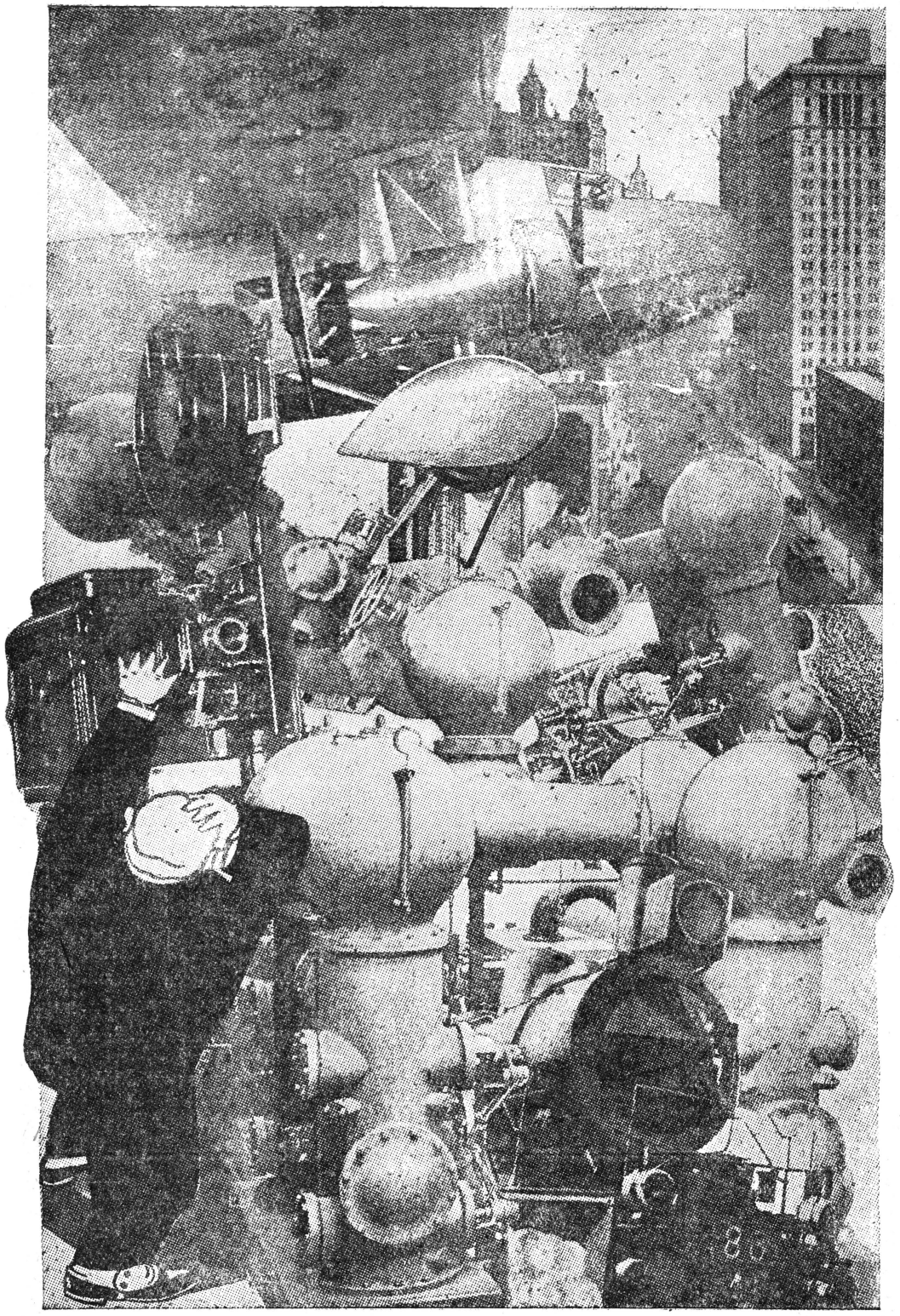
Оказывается, вернула. Машина так изменила мир, что человеку надо сызнова привыкать к нему. Машина оторвала человека от природы. Сначала она стала, как посредник, между мозгом человека и его телом. а потом она сделалась господином и человека и его тела. Человек потерял смысл жизни. Для него уже нет прежнего, понятного мира. Хаос ворвался в мир, и жалкий человек, который еще сохранил способность мыслить, но уже потерял способность ориентироваться, слепо бродит в этом хаосе. Техника для Эугена Дизеля — это совершенно особый мир. Раньше человека окружала биологическая среда, а теперь — машинная. К ней надо привыкнуть. А привыкнуть нелегко. С каким волнением пишет Эуген Дизель о новом устройстве мира! С какой страстью он бичует технику!

«Телеграф справляет оргии. Вокруг планеты несется поток товаров, людей, сообщений. Стерты время и пространство, которые раньше противостояли человеку, как два природных препятствия. Эта вездесущность, это всепроникновение создают напряженную межнациональную сферу жизни. Народы и семьи все больше и больше отрываются от природы. Машинное устройство легло на культурное, как один геологический пласт на другой. Дальняя поездка стала только переходом через коридор...»

Итак над человеком — новый геологический пласт. Стало быть по-новому надо и устроиться на земле. К этому и ведет Эуген Дизель:

«Мы живем в первобытную эпоху с дикими зверями, лицом к лицу с непогодой. Мы должны, как первобытные люди, убивать диких зверей, бродить в девственных лесах и добывать себе новые понятия и новые критерии...»

Первобытные звери — это машины, тракторы, электромоторы, подъемные краны, экскаваторы, драги, самолеты, а также тот двигатель, который изобрел отец нашего мыслителя. Этих зверей надо опасаться, к ним надо привыкать осторожно, — иначе сожрут.



Среди современных „первобытных зверей".

Отец Эугена был Дизель. А сыну лучше бы называться Антидизелем. Отец построил замечательную машину. А сын, несмотря на всю свою ученость, записался в темную рать машиноборцев. Дети оказались беднее отцов. Они не смогли освоить наследство отцов. Когда пролетариат ломал машины, он был темен, он еще не знал своего будущего. Дети Дизеля дичают среди новой техники.

Двадцать лет назад великий английский химик Вильям Рамзай открыл способ непосредственного добывания газа из каменноугольных пластов.

В период борьбы с ликвидаторами, на новом революционном подъеме Ленин нашел время откликнуться на это событие. Он писал об открытии Рамзая:

«Переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромен.

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме.

При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих...

Техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство».

Все, что происходит с техникой теперь, в годы всеобщего кризиса капитализма, — торможение техники, отказ от ее замечательных побед, проповедь борьбы с машинами, — подтверждает великое предвидение Ленина.

Организм капитализма оказался слишком старым, слишком слабым, чтобы воспользоваться всем тем, что таит в себе сокровищница техники. Капитализм поворачивается к ней спиной. Мудрено ли, что в годовщину знаменитого открытия Фарадея наука буржуазии не смогла организовать подлинное торжество. Эта годовщина прошла, как унылые похороны прошедших радостей, как «пир на празднике чужом».

В знаменитом письме к Кугельману Маркс говорит:

«Раз понята связь вещей, рушится вся теократическая вера в постоянную небходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы».

Непоправимое несчастие буржуазной науки в том и заключается, что созрела научная теория, которая доказала диалектическую связь вещей. Эта теория стала революционным оружием в руках пролетариата.

Все свои усилия буржуазная наука отдала «увековечению бессмысленной путаницы». Иначе она поступить не могла. Дело не в отдельных людях. Пусть на одном фланге буржуазной науки стоят мракобесы. Гигантской лабораторией «Всеобщей компании электричества» заведует Карл Штейнмец, подлинный друг человечества. Пример Штейнмеца, который в тяжелые годы Советской России предлагал ей свою помощь, не характерен для буржуазной науки в целом. Буржуазная наука, со всеми ее победами, академиями, институтами, служит господству капитализма. И когда господство капитализма дало трещину, институты и академии буржуазной науки взяли на себя социальный заказ замазать эту трещину. А для этого потребовалось доказать вечность существующей системы и значит «увековечить бессмысленную путаницу».

Нет более позорных страниц в истории буржуазной науки! Предание передает, что римлянин Муций Сцевола в доказательство своей правоты сжег руку на костре. Один из буржуазных сатириков писал, что современные ему Муции Сцеволы с готовностью кладут руку на печку, но предварительно убедившись, что она остыла.

Сейчас, в период всеобщего кризиса капитализма, крупнейшие буржуазные ученые с жаром кладут обе руки на давно остывшие истины. И для них великие предшественники оказались непосильным наследством.

Галилея годами держали в тюрьме. Джордано Бруно папские тюремщики

сожгли на костре. Коперник избежал этого только потому, что во-время умер своей смертью. И теперь, через триста лет, буржуазные ученые, не моргнув глазом, возрождают те истины, которые хоронили Галилей, Джордано Бруно, Коперник.

Физик Кланк считался материалистом. Но в 1931 году он счел своим ученым долгом заявить, что и религия и наука могут без всяких ссор ужиться между собой. Астрофизик Эддингтон в совершенно евангельском стиле предсказал светопреставление. Знаменитый физик Милликен обрадовал церковников заявлением о том, что космические лучи, которые он так долго изучал, есть «тело господа бога». Можно назвать знаменитого биолога Дриша, который во славу Ватикана отделяет тело от души. Американский ученый Вильямс доказывает, что были и Адам, и Ева, и потоп. Ученые Кеди и Гаубель описывают сотворение мира точно так, как его описывали в средние века.

Инквизиция сжигала на костре, бросала в подземные тюрьмы тех, кто разрушал церковную науку. Сейчас костров нет, но и без них буржуазная наука сама готова предать анафеме все свои блестящие победы. Сейчас нет инквизиции, но в отношениях между церковью и буржуазной наукой появился посредник другого рода.

Ватикан назначает крупную премию тому ученому, который докажет, что успехи новейшей физики отлично служат религии. Нет сомнения в том, что найдется такой ученый, который возьмется за эту работу. Ватикан построил мощную радиостанцию, и у микрофона этой станции стоят весьма крупные ученые, которые читают доклады научно-религиозного свойства. Ватикан объявил, что организует экспедицию в первобытные места Малакки с тем, чтобы экспедиция обязательно нашла у дикарей твердое доказательство «прирожденности идеи бога», и весьма известные ученые принимают участие в этой экспедиции.

Буржуазная наука остановилась в поступательном движении вперед и пошла назад — к «бессмысленной путанице». В силу исторических условий она нанесла церкви первые сильные удары в области физики и математики. Много позже она отвоевала у церкви биологию. Из плеяды великих «еретиков», которые самоотверженно боролись за объективную истину, Дарвин и Геккель были последними. После них буржуазная наука уже не выдвигала великих «еретиков». Ученые буржуазии устремились в лоно Ватикана. Буржуазная наука с лихорадочной поспешностью надевает ризы, которые, жертвуя свободой и головой, срывали с нее лучшие люди.

Здесь — конец всяким возможностям. Возможности перешли к нам, к науке пролетариата, к его научным институтам, к его исследованиям. И тень мракобесия, привидение давно умершего невежества, стоит на пороге академий и ученых кабинетов буржуазии.

Запах осени и запах крови

Некрасов сказал про свое время: «Бывали хуже времена, но не было подлей!»

Для поры всеобщего кризиса капитализма нельзя сделать и этой скупой поправки, — не было времен ни хуже, ни подлей, ни бездарней.

Что ни взять из буржуазного мира, на всем печать вырождения, упадка, бесплодия. Со всех сторон буржуазию окружают карикатурные призраки прошлого.

Буржуазия веками боролась за парламентское государство. Согласившись на режим «буржуазной демократии», крупный капитал дал мелкой буржуазии горсточку вольности, оставив за собой гегемонию.

Но во время всеобщего кризиса капиталистической системы мелкую буржуазию так лихо продают и предают в парламентах, что она начисто отказывается от своих «свобод». Мелкая буржуазия — класс с большим прошлым и без будущего — оживляет образ «сильного человека», который управляет государством без парламента. Несколько веков тому назад, в эпоху жестокой раздробленности и крайней междоусобицы в Италии, католический писатель Макиавелли нарисовал портрет такого сильного правителя, кото-

рый наведет порядок в государстве. Мелкая буржуазия жаждет возродить такого героя и, вместо портрета, получает карикатуру, — Муссолини или Гитлера, — и этот новый фашистский герой отлично умеет предавать ее в руки крупного капитала.

Разваливается хозяйство капиталистического мира, разваливается его культура. Вырождается его наука, его искусство, его государство. Капиталистический мир откатывается далеко назад. Привидения возвращаются.

Что же дальше? Ученые академии дают невразумительные ответы. Духовная жизнь буржуа обнищала. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят изданий выдерживает роман Гамсуна «Бродяги». Буржуа мечтает над этим романом. Ничего прочного не осталось. Хорошо вот стать бродягой без цели, без дум. Хорошо ходить из страны в страну, нигде не задерживаясь. Но это — только мечта. Мир искажен весь без остатка. Ничего неизвестного перед бродягой нет. И нигде не найдет он работы, которая даст ему пищу и кров. Нет, нельзя итти в бродяги.

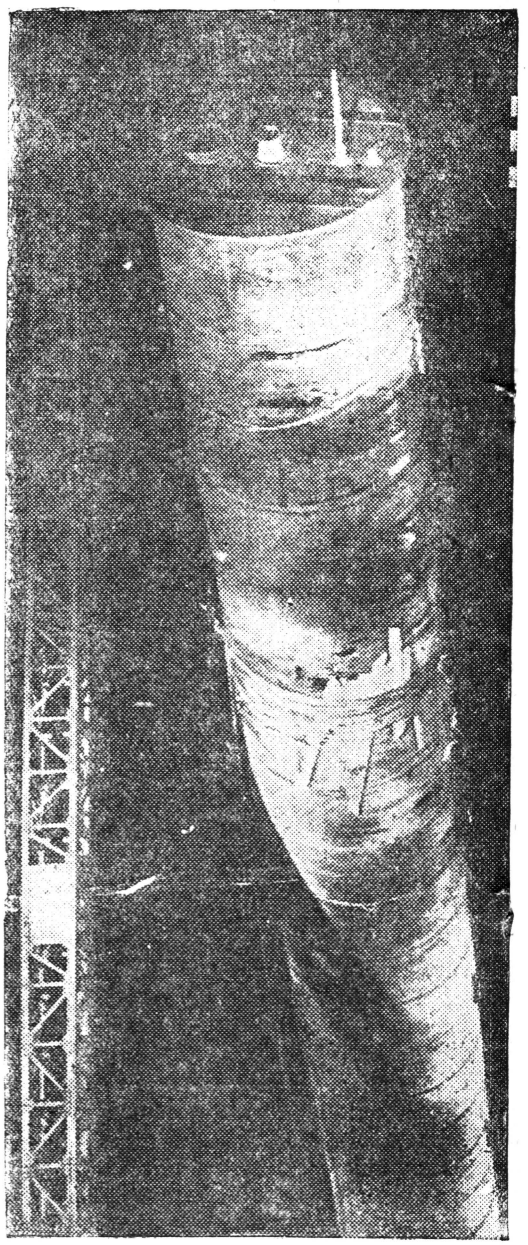
Куда же итти? Один из буржуазных писателей сказал, что его время насыщено «осенним запахом конца мира». Другой это подтвердил, но высказал надежду, что его мир «спасут мозги».

Однако где эти мозги? В Ватикане, в Женеве, на Уолл-стрите?

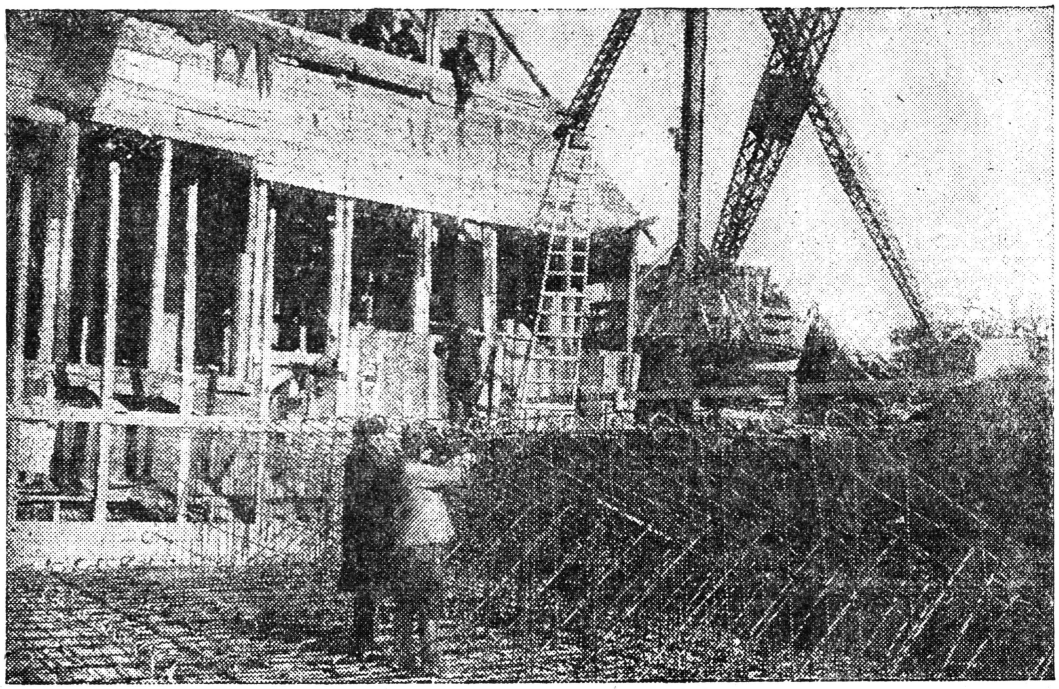
Буржуа был свидетелем конференций, соглашений, договоров, которые не принесли «мозгового решения». Полгода договаривались в Женеве насчет отмены войны — и не отменили ее.

Теперь будут договариваться насчет ликвидации кризиса. На повестке—экономическая конференция всех стран. Слышно, там будут говорить даже о плановом хозяйстве капитализма!

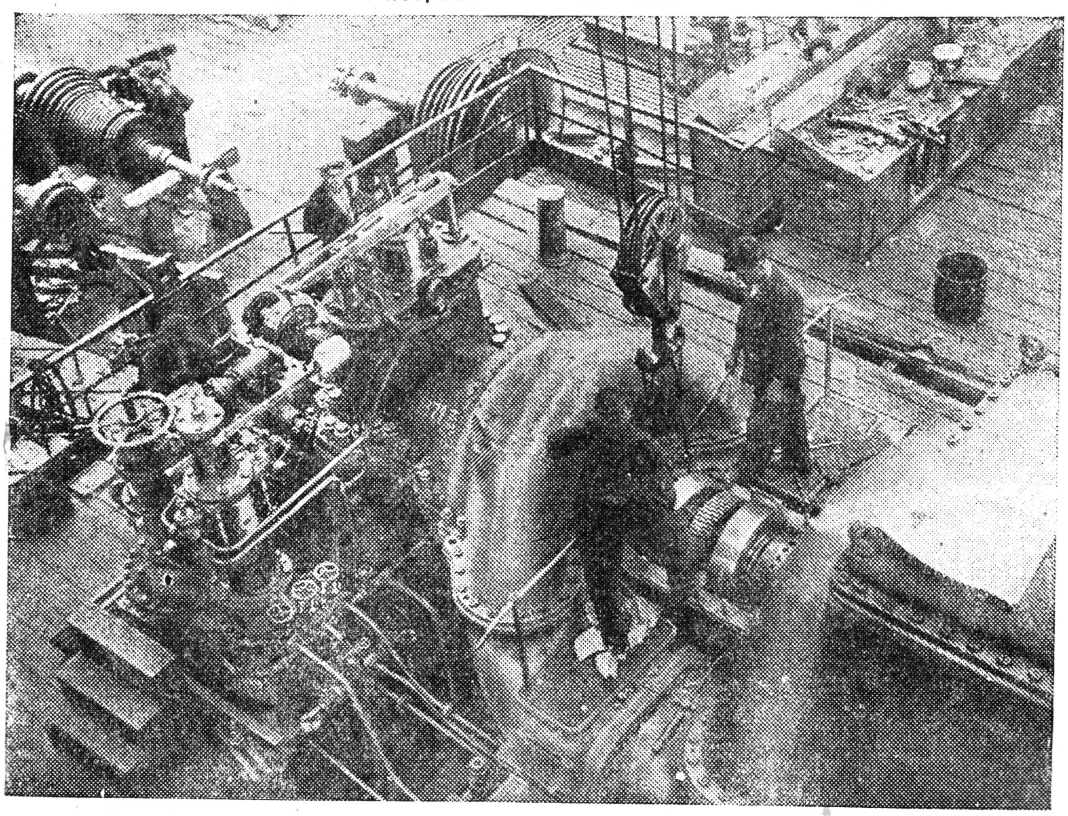
Запахом осени дышит капитализм. Но никогда не согласится капиталист задохнуться от недостатка свежего воздуха. Он еще попытается вернуть себе весну. Он двинет на завоевание весны свои танки, артиллерию, свои бомбовозы. Он еще попытается отыграться на войне против всего того, что дала миру Октябрьская революция. И тогда он ускорит свой конец.



Магнитогорск. Под'ем скраубера



Укладка арматуры фундамента каупера домны № 1 завода „Днепросталь" Днепропетровского комбината.



Сборка 24-тысячной турбины на заводе им. Сталина.

СДЕЛАНО ЗА 15 ЛЕТ

Н. БАСКАКОВ

Рис. А. ВАСИЛЬЕВА

Стучит телеграф, глухо гудят телеграфные столбы, антенны посылают в эфир радиоволны. Это маленькая узловая станция Званка, затерявшаяся в глуши российских просторов, вписывает свое имя в историю.

Декабрь 1926 года. Советская страна празднует пуск Волховской гидроэлектростанции.

1 мая 1932 года крупнейшая в мире электростанция — Днепровская ГЭС — дала первую энергию, привела в движение бесчисленное количество новых станков. Мощность Днепростроя — восемьсот десять тысяч лошадиных сил.

Миллион двести тысяч тонн высококачественной стали, десятки тысяч тонн ферросплавов, сорок тысяч тонн алюминия, кокс, шлакоцемент, доломит — все это даст дешевый днепровский ток.

Миллионы тонн украинского хлеба, кавказская нефть и северный лес двинутся мощными встречными потоками над днепровскими порогами.

Путь от Волховстроя к Днепрострою отмечен десятками новых электростанций. Общая мощность их к концу нынешнего года составит пять и шесть десятых миллиона киловатт. Царская Россия располагала мощностью всего в триста двадцать восемь тысяч киловатт.

Семнадцать миллиардов киловатт-часов электроэнергии в нынешнем году, сто миллиардов киловатт-часов к концу второго пятилетия — Советский Союз вполне реально догоняет САСШ.

Десятки лет трудился американец. Не на себя, а на капитализм. Создал совершеннейшую технику. А теперь не знает, что же дальше делать со всей своей техникой?

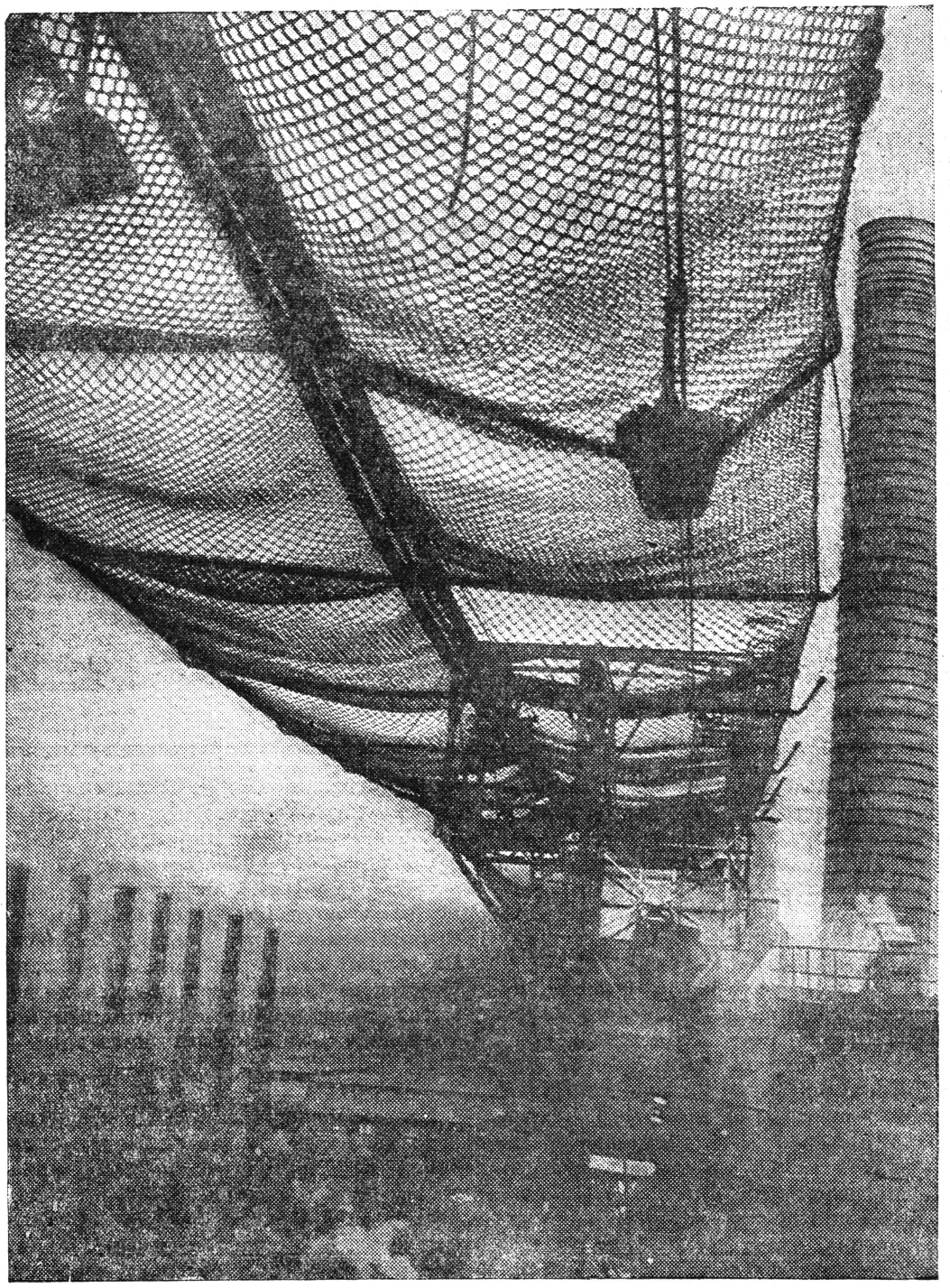
Тракторные конвейеры Форда больше стоят, чем двигаются. Фермеры слезают с тракторов и пересаживаются на коня, либо просто бросают землю и бегут в город, словно там своих безработных нехватает.

На целине, на неиспользованных земельных массивах, на болотах прочно стали сотни крупных совхозов — механизированных фабрик хлеба, льна, молока, овощей, хлопка.

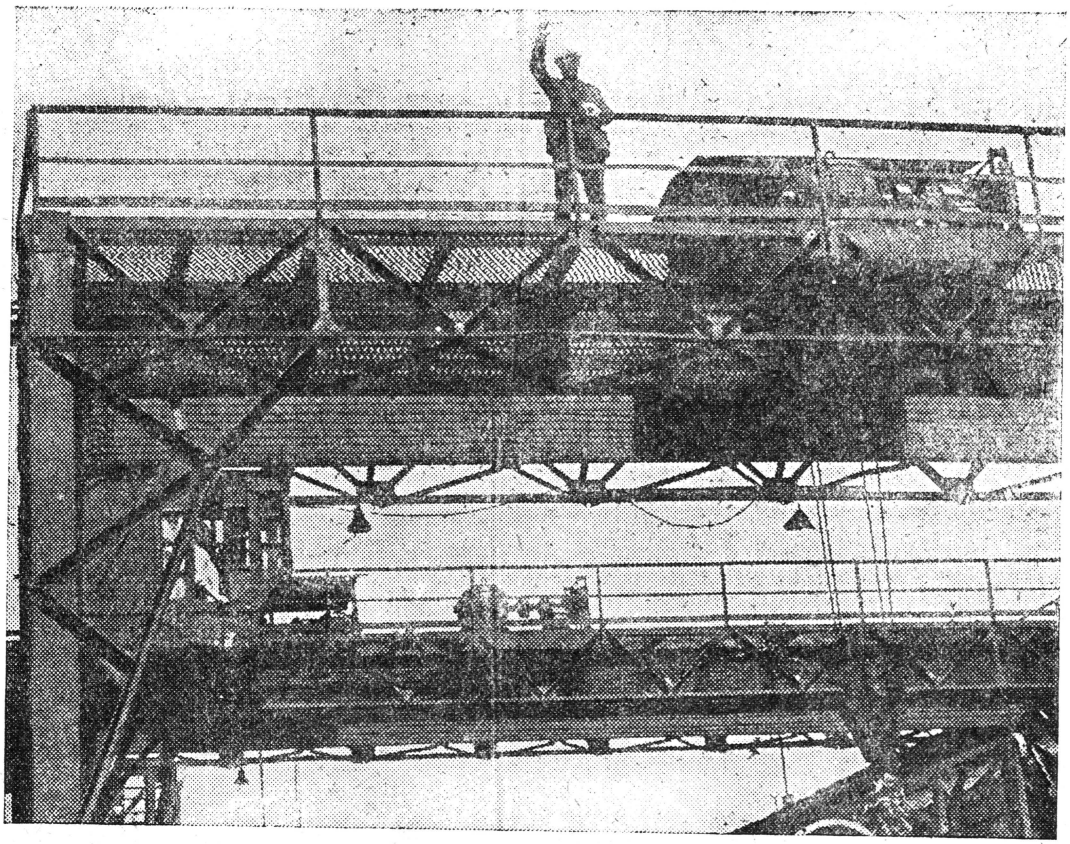
Мелкие раздробленные нищие крестьянские хозяйства объединили свои усилия в крепких колхозах. Утомленная, отказывавшаяся родить земля впервые за сотни лет получила сытную пищу — различные фосфорнокислые и азотистые удобрения. В ближайшие годы Советский Союз выйдет на первое место в мире по производству минеральных удобрений.

Вместе с трактором в колхозы и совхозы пришли комбайны — наиболее совершенные уборочные машины, льнотеребилки, хлопкоуборочные машины, свеклокомбайны, плуги, бороны, сеялки.

1 мая 1924 года в демонстрации питерского пролетариата приняли уча-



Подвесная дорога к коксовым печам в Макеевке



Сборка 125 тонного крана для Кузнецкого завода

стие два необычных гостя. Это были советские первенцы — два краснопутиловских трактора. В прошлом году путиловцы праздновали выполнение своей пятилетки по тракторостроению, — они дали стране тридцать четыре тысячи машин.

Двенадцать человек в бывшей пушечной мастерской «Красного путиловца» собирали первый советский трактор. С тех пор мы построили тракторный завод имени Калинина в Ленинграде, тракторные гиганты в Сталинграде и Харькове и заканчиваем Челябинский завод тяжелых тракторов. На них заняты десятки тысяч рабочих.

Краса и гордость советского тракторостроения, Сталинградский завод имени Дзержинского стоит в первых рядах мировых гигантов промышленности. Среди тракторных заводов он почти не знает достойного соперника, он превосходит своими размерами и объемами производства даже знаменитый завод «Мак-Кормик Диринг» в САСШ.

По тракторостроению Советский Союз уже не имеет конкурентов в Европе, мы стоим на втором месте в мире, с нами соперничает только Америка. Во втором пятилетии тракторный парк Советского Союза будет доведен до семисот тысяч машин, с ежегодным пополнением в двести тысяч тракторов.

Совсем недавно в САСШ существовало двести восемьдесят доменных печей. Это была величайшая металлургическая армия в мире. Сейчас из них остались сорок две единицы. Остальные выбыли из строя. Для капитализма они потеряли свою боеспособность навсегда.

Люди, которые худо ли, хорошо ли, кормились вокруг этих домен, ушли из

больших городов и расселились в палатках. Они облюбовали для себя пустыри и свалочные места. Это потому, что на свалках, если хорошо порыться, всегда можно найти обглоданную, но все же недоеденную корку хлеба, не успевший окончательно сгнить банан, кусочек протухшего мяса.

Во всем мире только одна страна не сокращает своей армии доменных печей, а задувает каждый год все новые и новые. Только одна страна строит крупнейшие в мире металлургические гиганты. Эта страна — СССР.

В этом году мы вводим в эксплоатацию двадцать четыре доменных и шестьдесят четыре мартеновских печи, ставим семь мощных блюмингов и двадцать один прокатный стан и включаем двенадцать мощных электропечей.

Самые замечательные среди них — это домны Магнитогорска и Кузнецкстроя.

На Урале, у подножья горы Магнитной, где между горами, обступившими мелководную реку Урал, ютилась в ложбине убогая станица Магнитная, встал металлургический гигант. Он вооружается восемью домнами, каждая из которых будет давать ежедневно свыше шестидесяти пяти вагонов готового чугуна. Две из этих домен уже пошли в ход.

Рядом находится другой колосс пятилетки — Кузнецкий металлургический завод в глухой сибирской тайге. Прокатные станы Кузнецка будут ежегодно выкидывать восемь тысяч километров рельсовых путей для железнодорожного транспорта, завод дает нашему Востоку самую разнообразную продукцию от стальных балок до проволоки включительно.

Магнитогорск и Кузнецкстрой — это часть Урало-кузнецкого комбината, восточной угольно-металлургической базы Союза.

Неисчислимые богатства таят в себе недра Урала. Тысяча семьсот миллионов тонн руды, пять миллиардов тонн угля, четыре пятых всех союзных запасов меди, колоссальные залежи цинка, никкеля, ванадия, хрома, магния, асбест, камень, фосфориты — вот перечень, который и в самой ничтожной доле не исчерпывает списка колоссальных природных богатств Урала.

А дальше к востоку тянутся бесконечные массивы сибирского леса и залегают угли Кузнецка.

Сотни лет эти богатства или лежали нетронутыми или разрабатывались самыми примитивными, кустарными приемами. Урал был не больше, чем «великий кустарь», а Сибирь служила всероссийской тюрьмой.

Только сейчас природные богатства Урала и Сибири получили настоящего хозяина.

Магнитогорск, Тагилстрой, Синара, Бакал — каждый из этих заводов в отдельности даст металла больше, чем вся старая уральская металлургия. Медеплавильные гиганты — Красноуральский комбинат имени Красной армии, Калата, Карабаш, Березниковский химический комбинат, Уральский машиностроительный завод, десятки других предприятий, вторые железнодорожные пути протяженностью в три Турксиба,— вот что такое вторая угольно-металлургическая база, создаваемая на востоке Советского Союза.

На крайнем севере Советского Союза, омываемый водами Баренцова и Белого морей, широко раскинул необъятные просторы Кольский полуостров. Всего десять-пятнадцать лет назад эта страна, равная по площади целому государству, поражала редкого путешественника своим безлюдьем.

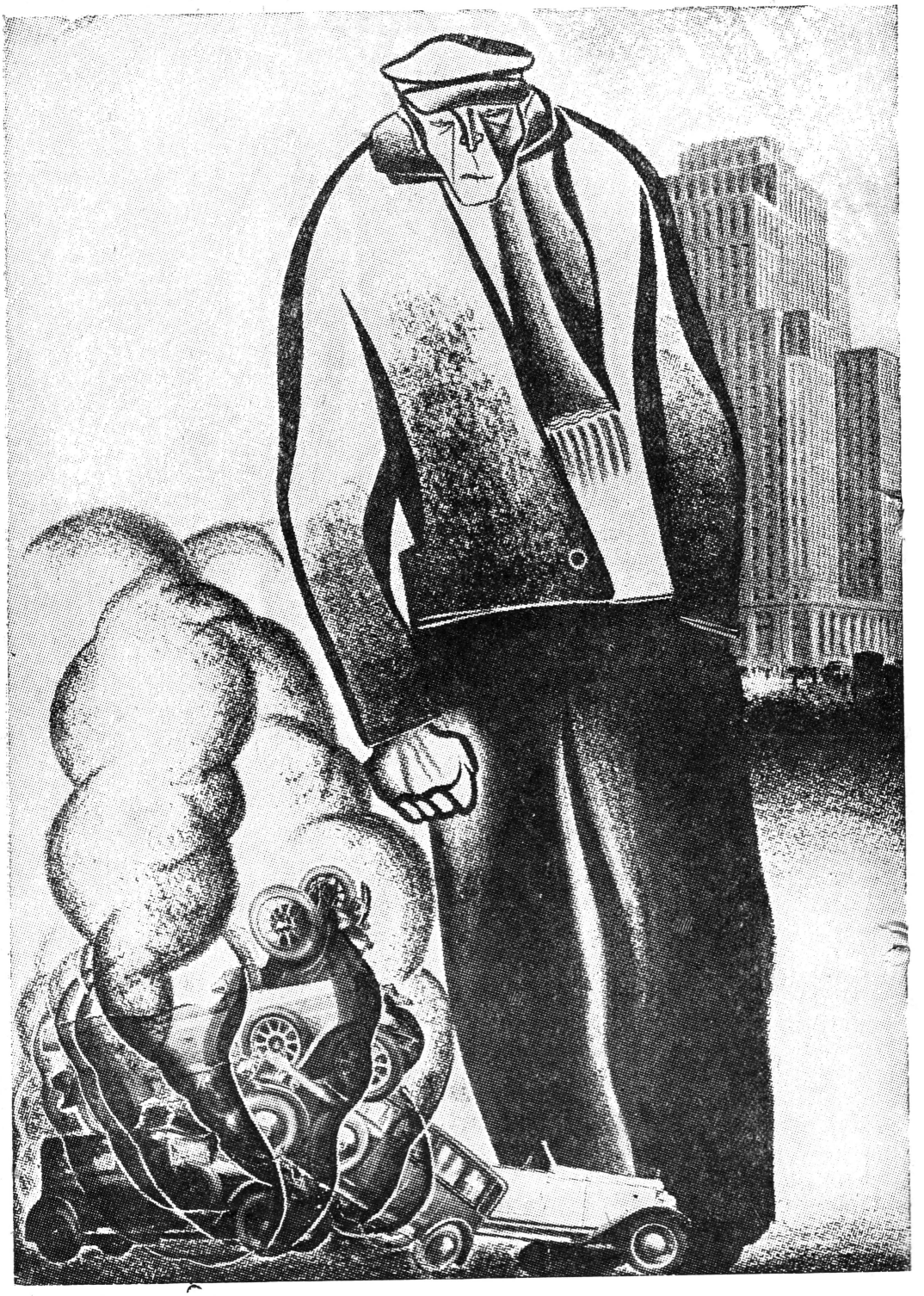
Кругом стройно и величаво вздымались хребты высоких гор, сплошь поросших тем же ягелем: Чуна-тундра, Оленья тундра, Монча-тундра, Хибины.

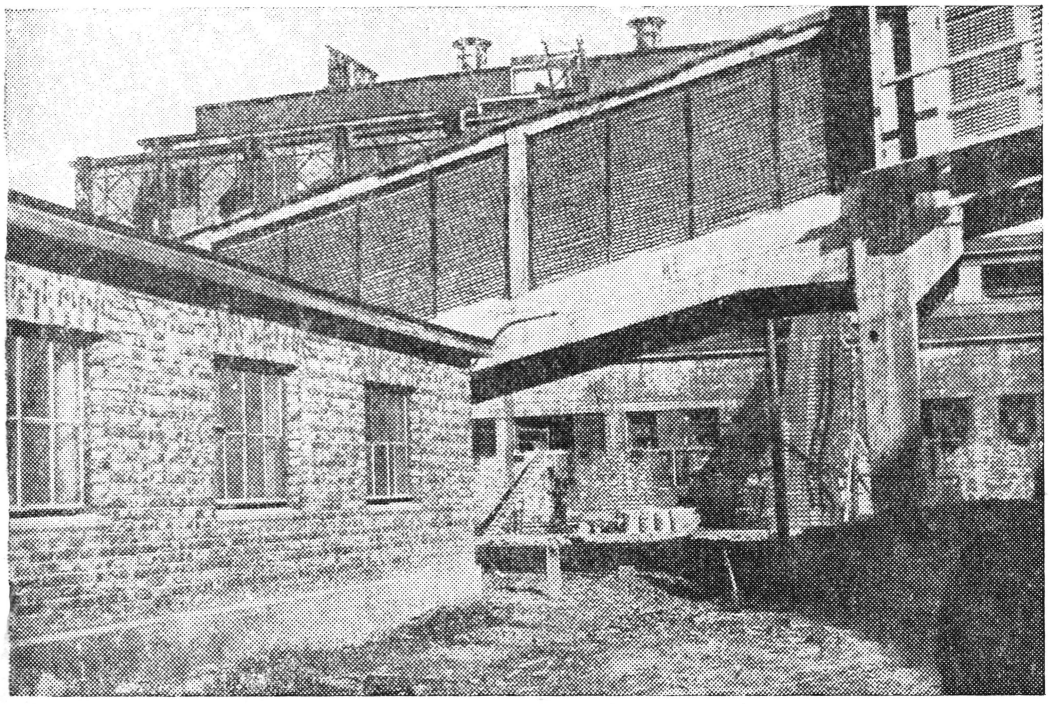
Сейчас на далеком севере стучат молотки новой стройки. Громадный край впервые вызван к жизни. Здесь найдены колоссальные природные богатства, о существовании которых никто почти не подозревал.

Быстро встал среди крутых склонов гор каменный Хибиногорск. Это в нем корреспондент одной английской газеты не мог не увидеть «один из самых поразительных и ощутимых результатов осуществления пятилетнего плана».

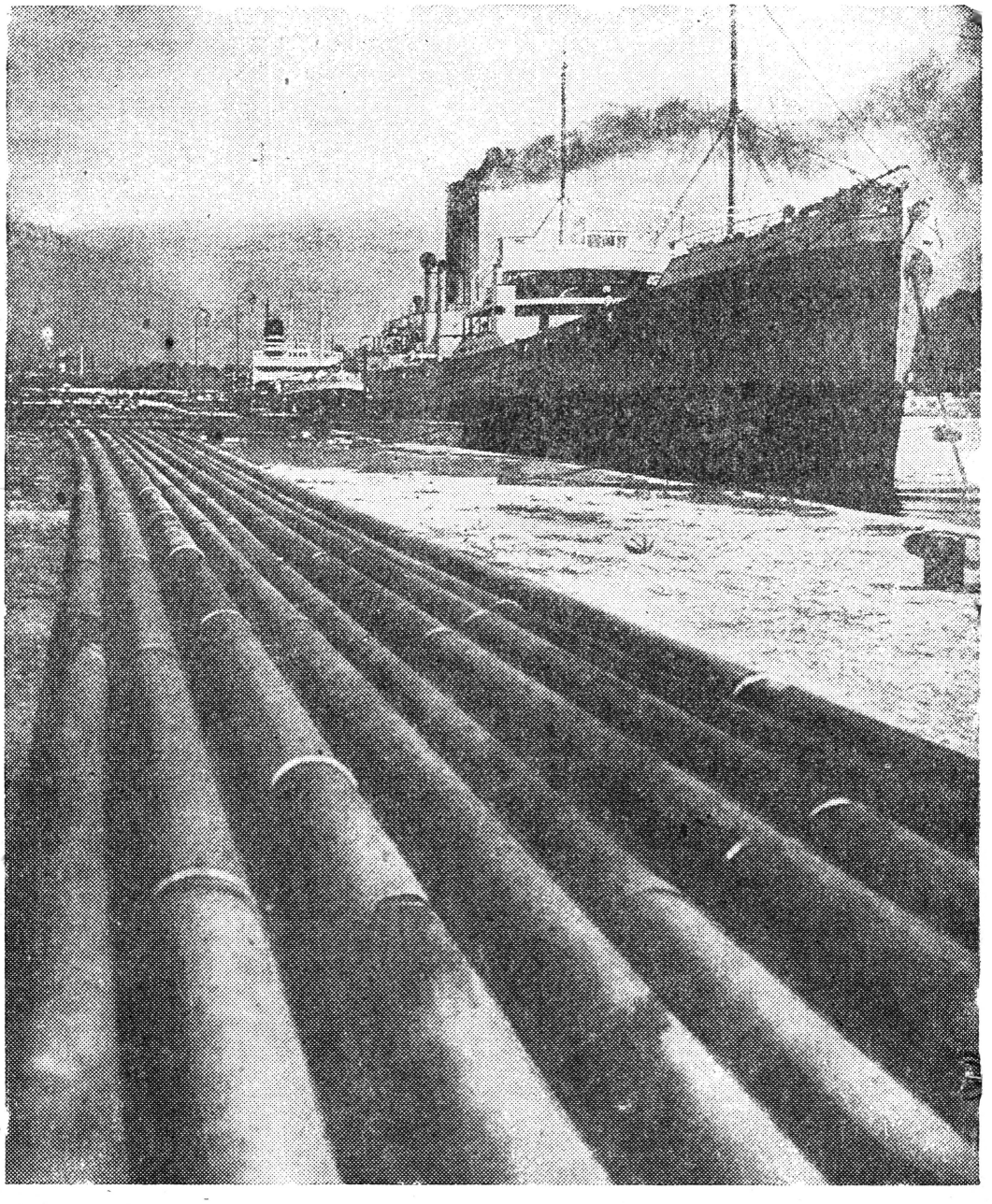
На Кольском полуострове большевики нашли клад: миллиард тонн апатита

В СТРАНЕ ПРОСПЕРИТИ (т. н. „ПРОЦВЕТАНИЯ")





Чевский химический комбинат. На фото—эстокада Суперфосфадного завода



Иностранными пароходами кишит Батумский порт

и десять миллиардов тонн нефелина. Вот уже два года, как апатитовые рудники снабжают советские заводы химических удобрений советским фосфорным сырьем. Тысячи тонн апатитов руды и концентрата вывезены за границу в обмен на машины.

На берегу Белого моря, в маленькой Кандалакше, строится комбинат, который, работая на нефелине, даст ежегодно сорок тысяч тонн окиси алюминия, сто пятьдесят тысяч тонн высококачественных минеральных удобрений и триста тысяч тонн цемента.

Давно ли Ленинградская область целиком жила на привозном сырье? Давно ли считалось, что в северных краях не может быть природных богатств? Давно ли простой кварцевый песок торжественно доставляли в Санкт-Петербург из окрестностей Парижа, из Фонтенебло?

Изучение полезных ископаемых в Ленинградской области только начато. И вот оказалось уже, что здесь имеются свои железные и медные руды, боровичский уголь и карельский шунгит, имеется магний, никкель и десятки других полезных ископаемых.

До войны девяносто пять процентов минерального сырья привозилось в Петербург из-за границы. Три четверти материалов, потребляемых ленинградской промышленностью, являются сырьем местного, внутриобластного происхождения, а скоро здесь будут даже свои собственные домны.

Без алюминия невозможны легкие и быстроходные воздушные корабли, из алюминия приготовляются высококачественные краски, он нужен для текстильных, химических и других машин. Важными деталями он входит в киноаппараты и радиоприемники, из него делают превосходные ложки, миски, кастрюли.

Вот почему о нем так много думают банкиры и министры, вот почему этот легкий и прочный металл грозно звучит в дипломатических нотах.

Алюминий выплавляется из окиси алюминия. Она вырабатывается в свою очередь из бокситов.

В Советской России не только оказались бокситы, но из них на Званковском заводе с помощью Волховского тока выплавлен уже высокого качества алюминий. Скоро пойдет в ход Днепровский алюминиевый завод. На очереди — десятки других алюминиевых заводов.

Советская наука нашла дешевый способ извлекать алюминий не только из бокситов, но и из нефелина и даже из обыкновенной низкосортной глины.

Нынешний год выдвигает наш алюминий на первое место в Европе. Вторая пятилетка даст четверть миллиона тонн алюминия. Этим самым мы почти удвоим мировое производство.

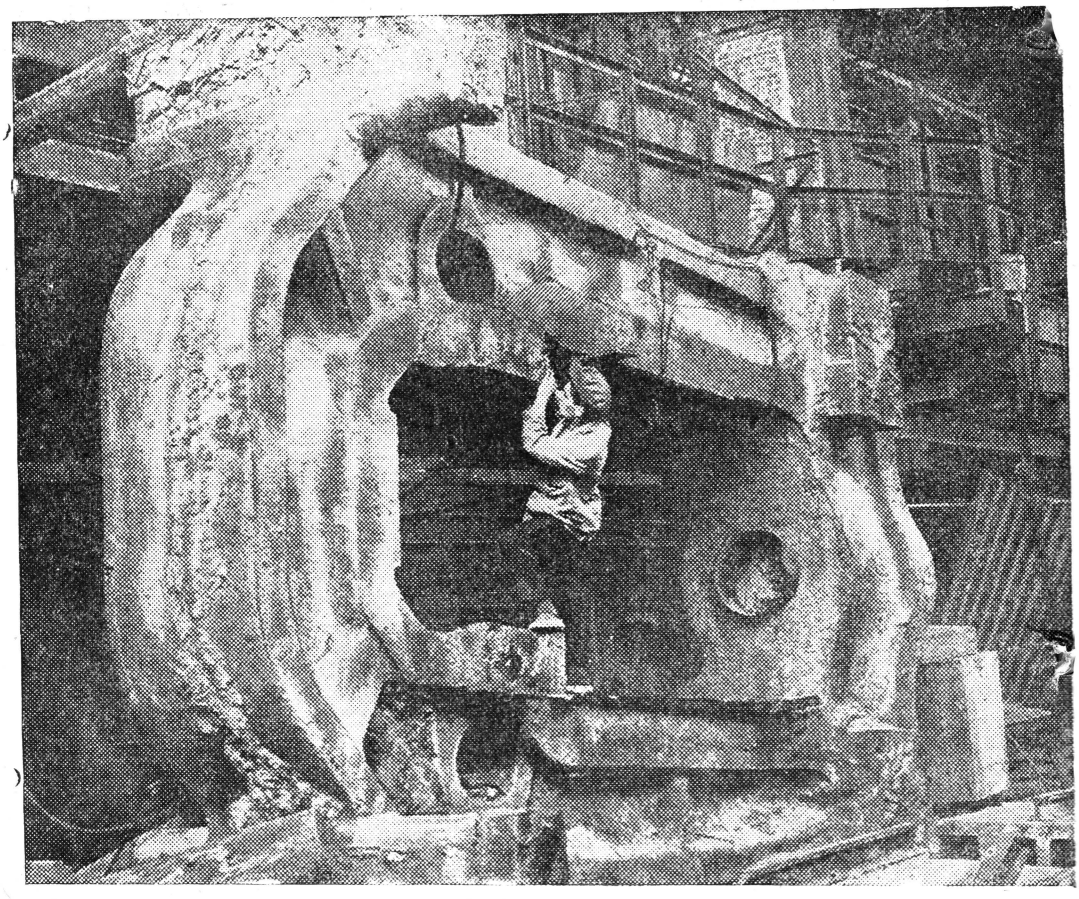
Советская наука впервые осуществляет слова сына беломорского рыбака Михаила Ломоносова: «Пойдем ныне по своему отечеству, станем осматривать положение мест и разделять к произведению руд способные от неспособных. Станем искать металлов, золота, серебра и прочего. Станем добираться отменных камней, мраморов, аспидов и даже до изумрудов, яхонтов и алмазов. Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура. Велико есть странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь тесные расселины и вечной ночью омраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность».

За два последние года наша геологоразведочная служба вывела на «солнечную ясность» сотни миллиардов тонн угля, увеличив тем самым общие их запасы до тысячи ста миллиардов тонн, что выдвигает нас по углю на второе место в мире.

Нами найдены богатейшие запасы калийной соли на Урале, обнаружены мировые месторождения медных рук в Казакстане и Средней Азии, богатейшие залежи железных руд в Сибири, на Урале, в ЦЧО. Чрезвычайно расширились наши возможности в отношении графита, асбеста и цветных металлов — свинца, цинка, никкеля.

На Нижегородском автозаводе имени тов. Молотова установлено пять тысяч станков. По технике оборудования он превосходит все наиболее совершенные американские заводы. Этот гигант, вместе с полностью обновленным московским заводом им. тов. Сталина (быв. АМО), еще в этом году пустит по дорогам Советского Союза семьдесят три тысячи автомашин.

Сейчас мы заканчиваем постройку Свердловского и Краматорского заводов тяжелого машиностроения. Их годовая программа — четверть миллиона тонн разного оборудования для металлургических заводов. Строим Выксунский машиностроительный завод для производства дробильно-размолочных машин, Ивторфмашстрой, который будет изготовлять торфяные машины, строим Луганский паровозный завод, из ворот ко-



120-тонная станина Крематорского блюминга

торого будет ежегодно выезжать свыше тысячи новых сверхмощных паровозов, начали стройку крупнейшего в мире Тагильского вагонного комбината с годовой программой в шестьдесят четыре тысячи большегрузных вагонов.

Мы пустили в ход Саратовский завод с выпуском пятнадцати тысяч комбайнов ежегодно, Ташкентский завод хлопкового инвентаря, Гомельский завод сельскохозяйственных машин, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения им. тов. Сталина. Мы пускаем в ход Харьковский турбинный завод, рассчитанный на выработку электромашин и турбин общей мощностью в полтора миллиона киловатт, строим три станкостроительных завода, пустили Московский завод фрезерных станков и Московский завод шарикоподшипников.

Совсем еще недавно Советский Союз занимал по машиностроению шестое место в мире. Сейчас мы обогнали Францию, Германию и Англию и уступаем лишь САСШ. Еще два-три года, и на этом участке мы догоним Америку.

Овладели секретом выплавки легчайших металлов — магния и электрона, спускаем на воду большегрузные коммерческие суда, проложили двенадцать тысяч километров новых железнодорожных путей, получили свой собственный синтетический каучук, сняв последнюю цепочку, которая могла еще держать нас в зависимости от капиталистического мира.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ПЕСНЯ

Р. БРАУН.
Перевод Е. ЭТКИНА

Рис. Б. МАРКИЧЕВА

— Вот тебе задание: во что бы то ни стало довести свою колонну до места сбора, до базарной площади. Ты отвечаешь за весь свой район.

Брейер почесал острый подбородок. Потом поглядел на небо. Погода хмурилась. Облака нависали так низко, что, казалось, задевали крыши высоких домов.

Рабочие небольшими группами рассеялись по площади, оживленно болтая между собой. Все были возбуждены.

— Если на нас сегодня наскочит полиция, то нам солоно придется, — процедил сквозь зубы маленький слесарь.

— Ничего не случится, — бросил ему на ходу Брейер. — Шагайте сомкнутыми рядами до самой базарной площади и больше ничего. Понятно? — И Брейер прошел мимо.

Рабочие посмотрели ему вслед. Брейер был сухой, худощавый парень. Тужурка болталась на нем словно на вешалке. Брился он, видимо, не часто. Небрежными шагами, засунув руки в карманы брюк, пересек он площадь.

Со всех сторон на него сыпались вопросы:

— Когда же мы наконец тронемся?

— Что мы медлим? Чего ждем?

— Мы во-время не попадем на митинг!

Появилось несколько жандармов на велосипедах. Спешившись, они внимательно присматривались к многочисленной толпе. Рабочие стали строиться в ряды по четыре человека. Тогда жандармы отъехали, остались полицейских. Демонстрация двинулась, и полицейские медленно двинулись по бокам.

Сначала шли тихим шагом, стараясь попадать в ногу. Брейер не находился во главе шеренги: он бегал от передних рядов к задним и снова обратно, каждый раз сообщая что-нибудь одному из вожатых отделений, на которые была подразделена колонна.

Когда блестящий автомобиль выскочил из-за угла, Брейер, стоя за поворотом, внимательно вгляделся в него. На подножке машины стоял полицейский офицер.

— Вот как!..

И все участники демонстрации также поняли, в чем дело. Они хорошо знали повадки полицейских орицеров.

...И наша песня, как динамит,
Капитала твердыню взорвет!

— Смирно!

Автомобиль подъехал вплотную к передним рядам.

— Эта песня запрещена законом, демонстрация распускается.

На другой стороне стоял Брейер.

— Товарищи, прекратите пение! — закричал он, желая предотвратить избиение.

Вожатые отделений подхватили и передали команду дальше. Мгновенно водворилась тишина. Полицейский автомобиль стоял теперь одиноко и бесцельно, офицер смущенно барабанил пальцами по стенке машины. Наконец он отдал распоряжение, автомобиль посторонился, пропустив демонстрантов.

Два квартала прошли они молча. Но тут в самой середине колонны кто-то засвистел знакомый революционный мотив. Задние и передние ряды подхватили...

Эту песню нельзя было петь, и они насвистывали ее.

На этот раз они едва успели пройти один квартал, как за ними загудел автомобильный сигнал. Почувствовав за спиной полицию, демонстранты бросили свистеть.

Полицейские насторожились. Они держали резиновые дубинки наготове, чтобы по первому же сигналу броситься на рабочих, но... автомобилю пришлось и во второй раз оставить рабочих в покое. Он отъехал далеко вперед.

Рабочие шагали еще быстрее, еще торопливее. Теперь искра загорелась сзади и медленно раздувалась по направлению к передним рядам.

Они не пели и не свистели. Они вполголоса напевали мотив:

Красный Веддинг! В битву! К победе!
Крепче сожмем кулаки!
Дружно шагайте! Крепче смыкайте
Против хозяев штыки!

Автомобиль на много опередил демонстрантов, и вдруг передние заметили, как жандармы соскочили с машины и оцепили улицу.

Рабочие продолжали шагать вперед. Пение прекратилось. На этот раз приказ передавался задним рядам передними, и задние еще продолжали жужжать, когда офицер угрожающе завопил:

— Если это немедленно не прекратится, мы разгоним демонстрацию!

Рабочие, не обращая на него внимания, шагали сквозь ряды расступившихся перед ними полицейских.

Они были уже недалеко от базарной площади, конечной цели шествия.

Быстрее, быстрее!..

Внезапно среди воцарившейся тишины раздались одинокие звуки губной гармоники.

Рабочие насмешливо улыбались.

Офицер задержал машину, прислушался, но, услыхав незамысловатую крестьянскую мелодию, дал шоферу знак к отъезду. Подскакивая на ухабах, автомобиль понесся вперед. Но тут гармонь окончила вступление, и отчетливо полились бодрые, призывные звуки рабочего марша.

Игра продолжалась всего несколько секунд, — а затем:

Оглушительно переливаясь, задребезжали полицейские свистки, офицер соскочил на мостовую, и полицейские, с дубинками в руках, бросились к демонстрантам.

— Демонстрация распускается!..

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда". Сектор „Комсомольская правда"
Отв. редактор **А. Поневежский**.
Зав. редакцией **С. Безбородов**. Руковод. оформл. и техн. частью журнала **В. Свешников**.

Сдано в производство 14/X. Подписан к печати 30/X Количество знаков в листе 97696
Ленгорлит № 57038 Ст-ф. 72×110. Тираж 50.000 Печ. л.—3. Заказ № 8651.

ИЗД-СТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

Каждый комсомолец,
каждый молодой рабочий
ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ СВОЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ

—— Выходит два раза в месяц ——

СМЕНА — массовый иллюстрированный, литературно-художественный, общественно-политический и бытовой журн. раб. молодежи. Выходит 2 раза в месяц, в увелич. объеме.

СМЕНА — показывает в строительстве социализма лучших ударников-комсомольцев и передовую рабочую молодежь.

СМЕНА — единственный в СССР журнал рабочей молодежи, специально посвященный вопросам социалистической реконструкции быта.

СМЕНА — освещает и ставит актуальные проблемы культуры и быта, связанные с ходом социалистической стройки. Из номера в номер дает в журнале постоянную бытовую консультацию. Ведет борьбу с классово-враждебными нам пережитками и течениями и вылазками на идеологическом, культурном и бытовом фронте.

СМЕНА — печатает лучшие рассказы, стихи и очерки пролетарских писателей и ударников, призванных в литературу. Откликается на злободневные вопросы литературной политики. Борется за проведение правильной партийной линии в художественной литературе.

СМЕНА — отображает классовую борьбу за быт рабочей молодежи в капиталистических странах и колониях.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м. — 50 к., на 3 м. — 1 р. 50 к., на 6 м. — 3 р., на 12 м. — 6 р.

Цена отдельного номера — 25 коп.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях, у письмоносцев и в ячейках ВЛКСМ у уполномоченных по печати.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

Орган ИК КИМ и ЦК ВЛКСМ

Двухнедельн. журнал интернационального воспитания молодежи и международного юношеского движения

Рассчитан на широкие массы комсомольского актива

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

Ежемесячный орган ИК КИМ и ЦК ВЛКСМ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЕЖИ

— Дает руководящие статьи по вопросу международного революционного движения и политических событий.

— Ставит, освещает и дискуссирует проблемы международного юношеского и детского движения.

— Помогает местным комсомольским организациям обмениваться своим опытом интернационального воспитания трудящейся молодежи.

— Освещает методику интернациональной работы и дает консультацию по всем вопросам интернационального воспитания и связи.

— Дает на своих страницах очерки и повести, отражающие в художественной форме жизнь и борьбу зарубежной комсомолии.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—50 к., на 3 мес.—1 р. 50 к., на 6 мес.—3 р., на 12 мес.—6 р.

—— Цена отдельного номера—25 коп. ——

Цена 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“,
СЕКТОР КОМСОМОЛЬСКАЯ „ПРАВДА“

БОРЬБА МИРОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Два мира. Две силы. Отмирающий капитализм и социалистическая система. Капиталистические страны охвачены жесточайшим кризисом. Закрываются фабрики и заводы, лопаются банки, идут с молотка разорившиеся крестьянские хозяйства. Рабочие среди изобилия, созданного их руками, умирают с голода. Социалистическая система не знает кризиса. Каждый день вступают в строй все новые и новые заводы, растут новые города. Главная и основная задача журнала **„БОРЬБА МИРОВ“** — показать во весь рост эти две системы; показать революционную борьбу рабочих в капиталистических странах и участие в этой борьбе зарубежного комсомола.

Латвийские палачи убили комсомольца Гедриса. Умирая, Гедрис сказал: „Убьют нас, но разве можно убить комсомол! За нами идут другие. С каждым днем нас все больше и больше. Наши силы растут“.

Зарубежный комсомол, несмотря на жесточайший террор, ведет героическую революционную борьбу. Наша задача — показать зарубежный комсомол, его рост, его работу, его борьбу, его победы.

Журнал **„БОРЬБА МИРОВ“** должен показать две техники, рассказать о нашем враге, о вооружении буржуазии, о борьбе на научном фронте.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЖУРНАЛ „БОРЬБА МИРОВ“

На 12 мес. — **5** руб. **40** коп.
На 6 мес. — **2** руб. **70** коп.
На 3 мес. — **1** руб. **35** коп.
Цена отдельн. номера **50** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всеми организаторами подписки на заводах и фабриках, во всех почтовых отделениях, письмоносцами, ячейковыми работниками по комсомольской печати и уполномоченными „Комсомольской правды“.